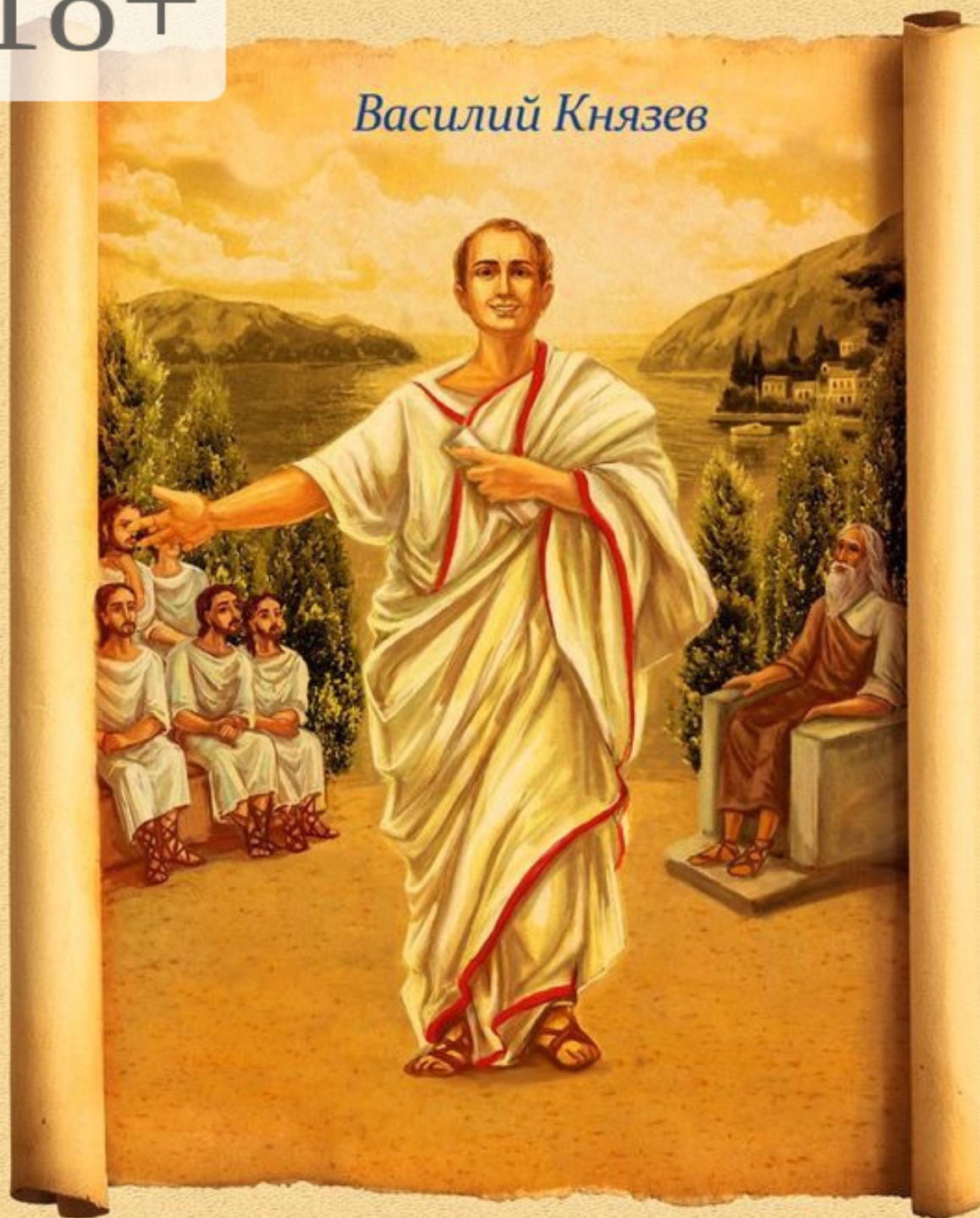

18+

Василий Князев

Цицерон-

мастер публичных выступлений.
Или роман об истинном римлянине.
(II том)

Василий Князев

**Цицерон – мастер публичных
выступлений. Или роман
об истинном римлянине. Том II**

«Издательские решения»

Князев В.

Цицерон – мастер публичных выступлений. Или роман об истинном римлянине. Том II / В. Князев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984617-4

Здравствуйте, дорогой читатель. «Поэтами рождаются, ораторами становятся», — так красиво в свое время сказал величайший оратор Марк Цицерон. Вся книга целиком посвящена этой выдающейся личности. В ней описана его увлекательная жизнь от рождения и до самой смерти. Кто вы? Публичный человек? Общественный деятель? Собственник бизнеса? Руководитель? Если да, то эта книга может стать вашим лучшим другом и путеводителем в увлекательной сфере деятельности, связанной с публичным выступлением.

ISBN 978-5-44-984617-4

© Князев В.

© Издательские решения

Содержание

Часть VI. Борьба за консульство	9
Глава V. Найдется ли управа на этого бессовестного жирного борова?	10
Глава VI. У кого из нас хватит сил трудиться по двадцать часов в день на протяжении пятидесяти дней?	25
Глава VII Смертельная опасность...	40
Глава VIII. Дело Вереса. Иногда молчание – самый ценный инструмент публичного выступления...	46
Глава IX. Почему женщины – самые опасные и соблазнительные существа на земле?	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Цицерон – мастер публичных выступлений. Или роман об истинном римлянине Том II

Василий Князев

© Василий Князев, 2020

ISBN 978-5-4498-4617-4 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-4618-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здравствуйте, дорогой читатель.

«Поэтами рождаются, ораторами становятся», так красиво в свое время сказал величайший оратор Марк Туллий Цицерон. Вся книга целиком посвящена этой выдающейся личности. В ней описана его увлекательная жизнь от рождения и до самой смерти...

...Кто вы? Публичный человек? Общественный деятель? Собственник бизнеса? Руководитель? Если да, то эта книга может стать вашим лучшим другом и путеводителем в увлекательной сфере деятельности, связанной с публичным выступлением.

...Вы должны подготовить доклад на конференции, но не знаете с чего начать и как заинтересовать слушателей. Вам необходимо убедить «электорат» голосовать за вас, но у вас нет необходимых знаний и инструментов. Вам нужно провести месячное совещание, чтобы подвести итоги, обозначить новые цели и задачи, а вашу голову терзают мысли о том, как сделать это мероприятие еще и увлекательным и запоминающимся для сотрудников. Перед началом презентации или выступления у вас «трясутся» коленки, и вы не пред-

ставяете, что с этим делать.... В конце вашего доклада вас «засыпали» каверзными вопросами, а вы не знаете, как правильно, на них ответить и в результате вся ваша речь оказалась напрасной. Скажите честно, у вас так бывает?

Ответы на все ваши вопросы вы найдете в этой книге...

...А может вы просто любитель истории, романтики и приключений? О... обещаю, скучно вам точно не будет. В книге, написанной мной в стиле бизнес-романа, вас ждет целое море различных событий и интриг. Вы словно в машине времени перенесетесь на 2000 лет назад в эпоху Гая Юлия Цезаря, диктатора Суллы, Великого Гнея Помпея, где немыслимые страсти, чувства и желания жарким огнем горели и полыхали, словно в огромном костре. Костре – под названием жизнь...

Меня зовут Василий Князев, заочно рад нашему знакомству. Приятного вам чтения...

«Не знаю ничего прекраснее, чем умение силою слова приковывать к себе толпу слушателей, привлекать их расположение, направлять их волю куда хочешь, и отвращать ее, откуда хочешь».

Марк Туллий Цицерон.

«Каков человек, такова и его речь».

Марк Туллий Цицерон.

Я благодарен своему школьному учителю Анатолию Михайловичу, который на всю жизнь привил мне любовь к истории.

Я благодарен моей любимой жене Лане за поддержку и понимание.

Я благодарен Вам, дорогой читатель, за то, что Вы приобрели эту книгу...

В основу книги положены реальные события, которые подтверждены историческими фактами, античными авторами и личными письмами главного героя книги.

Все персонажи, описанные в книге, действительно существовали и были современниками Марка Туллия Цицерона...

Ты хочешь быть успешным в этом мире?

Тогда иди, дерзай и выступай!

Забудь о страхе и сомнениях!

Горишки не боги обжигают...

Рождай улыбку, смех, волнения, слезы...

Награда ждет таких героев.

Настанет день, и рукоплещет зал.

А ты стоишь, не веря счастью.

Лишь голос тихо прошепнет:

«Ты заслужил все это, милый друг...»

Василий Князев.

Существует только одна вещь, худшая,

чем не прикасаться к чтению книг последние 90 дней; это не прикасаться к чтению книг последние 90 дней и думать, что ничего не случилось.

Джим Рон

Доброе утро, день, вечер, ночь, уважаемый читатель.

У вас есть два варианта, как прочитать эту книгу.

Первый. Этот метод подойдет тем, кто приобрел ее в целях совершенствования навыков публичного выступления и презентации. Специально для ВАС ниже названия и страницы глав, где Вы можете почерпнуть необходимые знания и услышать, как это делал в свое время Цицерон всего каких-то две тысячи лет назад. Это удивительно, но **эти инструменты с успехом работают и сейчас.**

Часть I. Арпинум

Глава II. Как заслужить первые аплодисменты?

Глава VII. Луций Лициний Красс – лучший оратор Рима?

Часть II. Рим

Глава IX. Подготовка

Глава X. Поединок

Часть IV. Кровавое время...

Глава III. В защиту Квинкция

Глава VI. В защиту Секста Росция из Америи

Часть V. Греция

Глава IV. Почему Антиох из Аскалона так понравился Цицерону? (Зачем я включил и эту главу?)

Глава VII. Где становятся великими ораторами? Может, на волшебном острове Родос?

Часть VI. Борьба за консульство

Глава I. Точный выстрел Теренции

Глава IV. Почему Сицилийцы полюбили квестора Цицерона и оказали ему такие почести?

Глава V. Найдется ли управа на этого бессовестного жирного борова?

Глава VIII. Дело Вереса. Иногда молчание – самый ценный инструмент публичного выступления...

Глава XI. Речь в поддержку предоставления империя Гнею Помпею и немного о личном...

Глава XIII. Кто победит в бешеной гонке за консульское кресло?

Часть VII. Изгнание...

Глава II. «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?»

Часть VIII. От возвращения до Киликии...

Глава II. Триумфальное возвращение из изгнания. «О бессмертные боги! Как сладок дым Отечества!!!»

Часть IX. На закате жизни...

Глава V. Гай Юлий Цезарь, будь милосерден! В защиту Квинта Лигария.

Второй вариант. Он больше подходит тем, кто любит все делать методично и не спеша, кто желает не только приобрести полезные инструменты и знания для публичного выступления, но и получить от книги нечто большее. **Зарядиться ее энергией.** Этот вариант Ваш, если Вы любите историю и у Вас есть стремление полностью погрузиться в эпоху поздней римской республики времен Цицерона, Гая Мария, Суллы «Счастливого», Великого Гнея Помпея, Гая Юлия Цезаря, Марка Антония. Вы хотите почувствовать «дух того

времени» и с головой окунуться в эти полные счастливых и трагичных событий времена? От рождения и свадеб до изгнаний и... финала.... Если да, то мой Вам совет: читайте не спеша, не «проглатывайте» книгу за один вечер.

Эта книга, как хорошее изысканное вино для гурманов. Ее надо «пить» медленно, смакуя каждый глоток, наслаждаясь каждой каплей...

Выбор за Вами, дорогой читатель. Приятного Вам чтения...

Василий Князев

Часть VI. Борьба за консульство

Глава V. Найдется ли управа на этого бессовестного жирного борова?

*Частные воры владат жизнь в колодках и цепях, общественные –
в золоте и пурпуре.*

Марк Порций Катон Старший

Дождавшись в конце февраля нового квестора в Лилибее и затем передав ему все свои дела, Цицерон за три дня до мартовских календ сел на корабль в Сиракузах и отправился домой в Рим. Спустя несколько дней корабль пришвартовался в порту цветущего приморского города Путеол, что в переводе означало «источники». И вправду в окрестностях этого города было много минеральных лечебных источников, в которых любили нежиться сильные мира сего: сенаторы, богатые всадники, патриции на сенатских Новогодних каникулах. Почему Новогодних? Дело в том, что в описываемое нами время новый год начинался с первого марта, поэтому вышеперечисленные слои населения предпочитали в это время отдыхать на целебных источниках, поправляя и восстанавливая свое здоровье от чрезмерных возлияний и чревоугодий во время римских застолий. Но вернемся к нашему герою. Слуги погрузили багаж, и Цицерон вместе со своим преданным слугой Тироном сел в нагруженную повозку. Колеса неспешно покатали по каменной мостовой приморского города, Цицерон откинулся на спинку сиденья в сладостных мыслях о будущих почестях, которыми, он был уверен, его встретит Рим. «Ни разу! Ни разу! Пока я был квестором, не было перебоев с поставкой зерна в Рим. Более того, зерно поставлялось по очень выгодным ценам, благодаря чему даже самый бедный житель Рима мог позволить себе его купить. Да... Марк, ты большой молодец!» – нахваливал сам себя молодой Цицерон. Внезапно от этих столь весьма приятных мыслей его отвлекло знакомое лицо человека, проходившего мимо него в сопровождении двух рабов. Цицерон лихорадочно начал вспоминать: «Кто же это? Кто же это? Слава Юпитеру!» Он вспомнил и тотчас приказал возникшему остановиться.

– Сервий! Куда направляешься? – окликнул Цицерон.

Молодой человек остановился и оглянулся. Его брови удивленно взметнулись вверх, но через секунду на лице засияла приветливая улыбка, и он кинулся к Цицерону с объятиями. Цицерон легко спрыгнул с повозки (ежедневные спортивные тренировки сделали свое дело – закалили его тело). Друзья обнялись и начали, смеясь, друг друга разглядывать, поворачивая из стороны в сторону.

– Марк! Да тебя не узнать! Какая фигура! Какие мышцы! Какая стать! Тот ли это щупленький молодой мальчик, пришедший в лагерь Суллы почти пятнадцать лет назад, – смеясь, в восхищении восклицал Сервий. – Марк, в чем причина такого чудесного превращения? Геркулес решил поделиться с тобой своей мощью и силой?

– Да нет же, у Геркулеса и без меня дел хватает, – смеясь, ответил Цицерон. – Это благодаря моей поездке в Грецию, где у меня были замечательные учителя Антиох и Молон. Да ты, я вижу, тоже возмужал! Смотри-ка, по воинским отличиям уже стал центурионом! Военная карьера пошла в гору?

– Да, Марк, спасибо богам. Военное дело – это мое. Обожаю походы, битвы. Только не по душе мне грабить мирных жителей, забирая у них последнее нажитое ими добро.

– Да, я это помню. Ты всегда был порядочным человеком, – подтвердил Цицерон.

– Скажи-ка, а что говорят о моих славных делах в Риме? – спросил друга Цицерон, переводя тему разговора в другое русло.

– О тебе? О твоих делах? А где ты был? Прости, сейчас вспомню. Вроде слышал, ты где-то получил квестуру.... В Сицилии? Ты знаешь, сейчас всех и особенно сенат больше всего

волнует война с Митридатом. Этот неугомонный властный и хитрый царь Митридат VI начал вторжение в Каппадокию, Галатию и Вифинию. Командующим войсками в Азии сенат назначил консула Луций Лициний Лукулл¹, дабы он наказал этого наглеца. Я завтра уезжаю после отдыха под его началом.

– Понятно, – опечаленно произнес Цицерон, думая о своем.

Он-то, наивный, думал, что его помнят и ждут. А оказалось, уже давно забыли...

– Ладно, Марк, я побежал. Был рад встрече. Надеюсь, увидимся в Риме, – сказал Цицерон.

Друзья обнялись на прощанье. Сервилий поспешил к термам с минеральными источниками, а Цицерон, сев в свою повозку, покатыл дальше по направлению к Вечному городу.

...Слава богам, хотя бы домашние его с нетерпением ждали. Спустя несколько дней повозка поднялась на вершину Палатинского холма, и он увидел фигуру женщины, стоявшей на пороге дома, с ребенком на руках. От этой картины у Цицерона сладко защемило сердце. Как только повозка поравнялась с домом, Цицерон, не дожидаясь, когда она остановится, бросился в объятия своей молодой жены и дочурки. Так, обнявшись, они простояли несколько долгих секунд.... Казалось, время просто остановилось. О боги! Как сладки эти первые мгновения после столь длительного расставания! Как сладки...

– Вы бы знали, родные мои, как мне вас не хватало, как не хватало, – и скупая мужская слеза покатила по лицу сенатора. Он чуть отстранился от Теренции и проговорил:

– Дай я тобой полюбуюсь, какая же ты красивая.

Теренция была одета в праздничную тогу, подчеркивающую ее красивые женственные формы: высокую грудь и тонкую талию. Волосы были изящно уложены в греческий узел, а на лице был замечен легкий макияж. Было очевидно, что к приезду мужа она тщательно готовилась, стремясь сделать ему приятное.

– Письмо о моем приезде, видимо, опередило меня, – подумал Цицерон.

Из Путеоли он отправил письмо с гонцом, что едет в Рим. Дочурка протянула руки к папе и, потрогав его лицо, прерывисто засмеялась. Цицерон улыбнулся в ответ и, подняв доченьку на руки, притворно строго спросил:

– А Тулиола уже умеет ходить? Или она только сидит на руках у мамы?

– Конечно, Марк. Ей ведь уже целых два годика. Смотри, – и Теренция, забрав с рук мужа малютку, осторожно опустила ее на порог дома.

Та встала крохотными ножками, одетыми в маленькие изящные ботиночки, на землю, но никуда не пошла. Затем строго посмотрела на маму, потом на отца, как бы говоря своим родителям: «Вы что!? Я же еще совсем маленькая! Разве вы этого не понимаете?» – и, протянув свои детские ручонки вверх, попросилась обратно на руки к матери.

– Ладно, ладно, капризница, – ответил, улыбаясь, счастливый отец. – Иди ко мне, а то мама, наверное, уже устала.

Цицерон нежно поднял доченьку на руки.

– А как ты, Тирон? – переключив свое внимание, спросила верного раба Теренция, пока слуги неспешно разгружали повозку с вещами.

– Спасибо, хозяйка, за беспокойство, все хорошо, – ответил, поклонившись, Тирон.

– За мужем приглядывал? Он там по женщинам не бегал? – притворно строго, нахмутив брови, спросила хозяйка.

– Что вы, госпожа. Он целыми днями и ночами был занят управлением провинцией. Я как не зайду в таблинум, время уже за полночь, а господин все работает и работает. Хотя честно, в большинстве случаев мы засиживались за делами вместе, ведь я, по сути, был его стенографистом и помощником, – добавил Тирон.

– Ладно, ладно, верю, – улыбнулась Теренция. – Пойдемте-ка лучше в дом.

Пока слуги заносили вещи, Теренция, пройдя вместе с Цицероном в дом через вестибюль и отдав дочурку кормилице, тихо шепнула мужу:

– Марк, я так соскучилась. Так истосковалась. Безумно тебя хочу. Пошли сразу в кубикунулу.

От этих жарких слов Цицерон покраснел и в ответ произнес:

– И я соскучился, пойдем быстрее...

Молодая пара поднялась на второй этаж в свою кубикунулу и закрыла дверь. Едва они вошли внутрь комнаты, как Теренция резким властным движением сорвала тогу с мужа и толкнула его на пурпурный плед, лежавший на огромной кровати, затем молниеносным движением сбросила с себя столу, под которой, как оказалось, не было даже туники. Цицерон взглянул на божественно-красивое обнаженное тело своей жены, услышал ее учащенное дыхание и почувствовал непреодолимое ответное желание овладеть ею. Но Теренция его опередила. Как ненасытная волчица, она прыгнула на мужа и, сев на него сверху, оседлала, как дикого жеребца. Поза «наездницы» всегда была ее самой любимой. Тела сплелись в страстном порыве бешеного желания. Стоны, скрип кровати, пот, запах любви – все смешалось воедино....

.... Потом они пили вино и снова и снова наслаждались любовью. Ведь целый год ни тот, ни другой не имели плотских утех. Уже ближе к позднему вечеру они спустились в триклинию, где их, счастливых и удовлетворенных радостями любви, ждал заботливо приготовленный слугами сытный ужин. Посмотрев на свою молодую красавицу-жену, Цицерон, откинувшись на ложе с бокалом отличного фалернского вина, подумал: *«О бессмертные боги! Как хорошо дома! Как хорошо, когда рядом есть любящий человек! Может, в этом и есть истинный смысл простого человеческого счастья...»*...

...После возвращения в Рим, стремясь как можно быстрее вернуть себе былую популярность и известность, Цицерон с головой окунулся в общественную деловую жизнь города. Работая в качестве защитника и блестяще выступая с речами в суде, он выиграл много дел, отстаивая честь и достоинство граждан Рима. Слава о нем как о честном блестящем адвокате и ораторе постоянно росла и множилась. Но больше всего грело душу честолюбивому Цицерону то, что после квестуры он стал полноправным членом сената, перейдя из сословия всадников в сословие сенаторов. Конечно, Марк пока был лишь младшим сенатором, но он...! Он! Находился уже в сенате и заседал там! А ведь когда-то еще мальчиком много лет назад Цицерон так мечтал попасть сюда. И вот теперь он здесь. ***Да, поистине мысль материальна, главное – захотеть, и тогда можно свернуть горы – это факт...*** Постепенно как член сената и известная личность он обрастал своими клиентами. Каждое утро рабочего дня начиналось с того, что у дверей его палатинского дома собирались толпы клиентов, рвущихся к сенатору с различными просьбами и жалобами. Тирон их всех впускал, а затем сортировал по важности и срочности. Каждому посетителю Цицерон уделял свое внимание и время, никто не уходил от него обиженным или неудовлетворенным. Почему так поступал Цицерон? Просто он знал, что ничто так не ценится народом, как внимание и забота, к тому же он понимал, что добрые дела – это его союзники на соискание следующей должности на политической карьерной лестнице – должности курульного эдила. Так в неустанных делах и заботах минуло три года...

...Рим в этот период с семьдесят четвертого по семьдесят первый год жестоко подавил последнее восстание рабов под предводительством Спартака. Все продолжалась и никак не могла закончиться третья Митридатова война под командованием Гнея Помпея, по заслуженному прозвищу Великого, и Луция Лициния Лукулла. В этой войне римляне преуспели, громя войска царя Митридата VI и возвращая обратно под свое влияние захваченные ими земли. Но до окончательного завершения войны еще было очень и очень далеко.

Дело в том, что Римская республика, разросшаяся до невероятных масштабов и имеющая под своим влиянием огромные территории с различными народами, словно тяжелая баржа, стала очень неповоротливой в управлении и в поддержании контроля над суверенными

народами. Вследствие чего это обстоятельство неизбежно приводило к тому, что особо амбициозные правители различных государств стремились выйти из-под ее влияния, став суверенными государствами. В силу вышесказанного в Риме неуклонно возрастала роль выдающихся военных полководцев, а их влияние на государственные дела становилось все более значимым, чем влияние консулов, и этот факт, на мой взгляд, закономерно должен был рано или поздно привести к смене государственного строя в Риме...

...В одно декабрьское утро уходящего семьдесят первого года до н. э. за несколько дней до декабрьских сатурналий Цицерон, стоя у окна своего таблинума, наблюдал непривычно большую толпу клиентов, которые ожидали восьми часов утра, когда Цицерон обычно начинал принимать своих клиентов. По давно заведенному распорядку Цицерон вставал рано, в шесть утра, даже в выходные и праздничные дни. Первым делом он занимался гимнастикой и упражнениями для поддержания своей физической формы, плавал в бассейне. На завтрак, как правило, была всего лишь каша, да и то немного, едва ли не две ложки. Одним словом, все в этот день было как обычно, кроме одного: слишком много клиентов. Они практически заполнили собой всю палатинскую улицу, так что к соседним домам других патрициев даже не было возможности подойти. Подавляющая часть клиентов держалась отдельной группой и была одета в шерстяные палии и высокие сапоги. Весь их вид говорил о том, что, скорее всего, они прибыли из провинции. Приезжие, оживленно размахивая руками, что-то очень эмоционально обсуждали, на их лицах явственно прослеживалась злость и негодование. «Интересно, о чем это они так яростно спорят? И что заставило их прийти в столь раннее утро к моему дому?» – задумчиво размышлял Цицерон. *Знал бы он, что это к нему пожаловала сама фортуна.* Сенатор позвонил в колокольчик, и тотчас зашел Тирон.

– Тирон, как ты думаешь, кто эти люди? – обратился к слуге с вопросом его хозяин. Тирон приблизился к окну, посмотрел на собравшуюся толпу клиентов и уверенно произнес:

– Это люди из провинции. И, судя по их оживленной жестикуляции, они из Сицилии. Вы же прекрасно помните, хозяин, какой там эмоциональный и энергичный народ.

– Помню, помню. Мне иногда казалось, что они говорят не словами, а жестами. Ба... Да я вижу знакомое лицо. Это же сам Гераклий из Сиракуз! Помнишь, он оказывал нам гостеприимство в своем красивом доме в Сиракузах. Я еще восхитился его чудесными скульптурами, картинами и коврами, выполненными искусными мастерами.

– Да, да, помню. Он был очень любезен и обходителен. Да что он, все его домашние нас тогда окружили заботой. Мы у него, помнится, прогостили целых два дня. А как кормили шикарно! Молоденький барашек просто таял во рту, – и Тирон сладко цокнул, вспоминая сочный вкус ароматнейшего и нежнейшего мяса.

– Кстати, я еще одного узнаю. В-о-о-о-н того худого с печальным лицом, по-моему, это Стений из Ферм. Он также оказывал нам гостеприимство в своем доме в Фермах, – добавил Тирон.

– Тирон, тогда что мы стоим и ждем? Пусть еще только полвосьмого, но для сегодняшнего дня давай сделаем исключение и начнем работать раньше. Иди, спустись и заведи всех сицилийцев в атриум. А я пока надену свою парадную тогу ради таких гостей и через пару минут спущусь.

– Прямо всех? Их там не менее пятнадцати человек. Атриум у нас, конечно, большой, но, может, часть все-таки оставить на улице? – с беспокойством спросил хозяина Тирон.

– Тирон, тебе бы понравилось, проделав столь длинный путь, остаться стоять на улице перед домом?

– Нет, конечно, хозяин. Простите, я не подумал об этом.

– Если не хватит стульев, пусть разместятся на полу, и подай им всем горячего вина, чтобы согрелись: на улице не лето, – заботливо добавил Цицерон.

Тирон ушел выполнять приказание, а Цицерон задумчиво посмотрел на свой золотой перстень, поцеловал его, как он всегда это любил делать, когда надеялся на расположения богов, и, позвав раба, быстро оделся в белоснежную тогу.

Когда Цицерон спустился со своего второго этажа в атриум, сицилийцы с нетерпением уже ожидали его, согретые небольшим количеством горячего вина.

– Приветствую вас, друзья, – и Цицерон радушно и приветливо с каждым поздоровался, особенно, по-дружески обнявшись, с Гераклием и Стением.

– Рассказывайте, что привело вас в мой дом? Радость или нужда в чем-либо? – спросил гостей Цицерон, уютно расположившись в своем кресле.

– Уважаемый Цицерон, – обратился от лица всех Гераклий, – наши сердца переполнены скорбью и горечью. Здесь собрались самые уважаемые люди сицилийских общин: Квинт Цецилий Дион, Луций Лигур, Луций Калена, Епикрит, Сопатр – все они достойнейшие жители наших городов и поселений.

Пока Гераклий перечислял всех присутствующих, Цицерон невольно начал догадываться, о чем пойдет речь.

– Наш друг и защитник, именно так мы хотим к тебе обращаться как к самому честному и бескорыстному квестору Сицилии. Мы помним то добро, которое ты нам сделал. Именно под твоим руководством Сицилия расцвела и заблагоухала (от этих комплиментов и теплых слов в свой адрес лицо Цицерона покрылось довольным ярким румянцем). Только ты нам один сможешь помочь. Ты один способен вернуть людям честные имена и спасти их от нищеты и позора, – молвил Гераклий.

– Гераклий, чего же вы хотите от меня? Чтобы я стал вашим защитником?

– Наоборот. Стань нашим обвинителем против этого мерзкого Верреса, прошлого наместника Сицилии, – произнес последние слова, Гераклий встал на колени, и его примеру последовали и все остальные просители.

– Друзья, встаньте, встаньте с колен. Негоже таким знатным и благородным людям вставать на колени перед кем бы то ни было, – попросил сицилийцев Цицерон.

– Сенатор!!! – пламенно продолжил свою речь Гераклий. – Все, что замечал ненасытный взгляд Гая Верреса: статую, картину, наследство, чужую жену – все он тут же прибирал к своим рукам! Не было границ его беззакониям! Все покупалось и продавалось: должности, решения суда, земли. Ты помнишь, какой у меня был красивый дом, украшенный произведениями искусства?

Глаза Гераклия метали молнии, и в то же время в них таилась необычайная печаль и горечь. Он продолжал:

– Цицерон! Нет ничего! Все отобрал проклятый Веррес! И я не один такой. Были ограблены храмы Юпитера, Юноны, Эскулапа, Венеры, Цереры! За всю историю Сицилии даже иноземные захватчики так себя никогда не вели.

– Подожди, неужели все это правда? – уже обращаясь ко всем присутствующим, переспросил Цицерон.

И все гости наперебой в очень эмоциональной манере начали приводить различные факты жутких беззаконий и преступлений этого наместника. По мере того, как они говорили, лицо Цицерона то бледнело, то краснело. Он сжимал кулаки, глядя в горестные лица этих людей, задавая себе всего один вопрос: «Почему? Почему Юпитер громовержец позволяет жить на свете таким людям?! Почему он не покарает их на месте за те несчастья, разрушения и страдания, которые они причиняют людям?!».

Когда через несколько минут люди выговорились и смолкли, Цицерон встал с кресла и произнес следующие слова, прижимая руку к своему сердцу.

– Друзья, я сражен! Нет! Я просто убит вашим рассказом. Я искренне сочувствую вашему горю. Я рад вам помочь, но по роду своей деятельности я адвокат, а не обвинитель. Быть обви-

нителем – удел молодых. Мне уже почти тридцать шесть лет, и не пристало мне в мои годы быть обвинителем.

– Цицерон, мы понимаем тебя. Но ты наша единственная надежда. Ты самый честный и порядочный человек во всем Риме. Да, у нас есть патроны в Риме, которые нам помогают, но у них нет и капли твоего блестящего ораторского мастерства, твоего опыта ведения судебных дел. Мы все помним, как ты выиграл дело в защиту Росция из Америк, не побоявшись пойти против Хрисогона, этого любимчика Суллы. Только ты со своим талантом и храбростью сможешь справиться с Верресом и его высокими покровителями Метеллами, – произнес Гераклий, стараясь с помощью аргументов и комплиментов убедить Цицерона.

– Благодарю, Гераклий, за столь лестные слова, мне очень приятно. Значит, говоришь, Метеллы покровительствуют Верресу?

– Да, по нашим сведениям, братья Квинт и Марк, – подтвердил Гераклий.

– Я тронут вашей просьбой о помощи, но мне надо время подумать, чтобы взвесить свои силы и возможности. Ведь, если у Верреса очень много денег и есть такие сильные покровители, кстати, один из них в этом году, я уверен, станет консулом, есть большая вероятность того, что все сенаторы и судьи будут куплены. И ни мое красноречие, ни судебный опыт ведения дел здесь не помогут, – задумчиво произнес Цицерон.

– Сенатор, ты отчасти прав, но мы все уверены, что ты справишься с этим делом и взамен приобретешь огромную славу, популярность и, что не менее важно, голоса твоих потенциальных избирателей. Все жители Сицилии будут счастливы отдать в будущем свои голоса за то, чтобы именно тебя выбрали в следующем году курульным эдилом, – усилил свою аргументацию Гераклий.

– Гераклий, умеешь ты убеждать. Тем не менее, дайте мне подумать один день, а завтра утром приходите вновь, – попросил Цицерон.

– Хорошо, уважаемый сенатор, понимаю. Мы придем завтра. Но умоляем бессмертными богами, прими верное решение в нашу пользу, – и Гераклий вместе со всеми членами городских сицилийских общин склонился на прощание в глубоком поклоне.

Спустя минуту, провожаемые Тираном, они покинули дом Цицерона. Вечером Цицерон пригласил в свой дом брата Квинта, его жену Помпинию и Аттика, который приехал в Рим на декабрьские сатурналии.

Потрескивали дрова, а красные языки огня отплясывали замысловатый танец в камине. За семейным ужином-советом собрались только самые близкие и родные.

– Друзья, – обратился ко всем Цицерон. – Благодарю, что откликнулись на мою просьбу и пришли сегодня на ужин. Мне очень, клянусь всеми богами, нужен ваш совет.

– Марк, мы же твои друзья, обязательно поможем и подскажем. Хотя, как мне кажется, ты сам и мудр, и умен. Говори, не стесняйся, – проговорил Атик, отхлебнув немного фалернского вина из чаши.

Тут его перебил детский смех, и в комнату ворвалось маленькое божественно-белокурое создание. Эта была пятилетняя Тулиола, вырвавшаяся из рук няни и прибежавшая к своим родителям. Она обожала своего отца и всегда использовала любую минутку, чтобы обнять его и забраться к нему на колени. Это она сейчас и сделала. Цицерон подал знак служанке, чтобы та покинула комнату, а сам, поцеловав дочурку, попытался продолжить.

– А папа любит Тулиола, – пытаясь тщательно выговорить слова, промяукала дочурка, перебивая отца и заглядывая в глаза, что сразу вызвало смех у всех присутствующих.

– Любит, любит, – передразнивая ту, проговорил счастливый отец, вновь поцеловав малютку.

– Тулиола, дай папе сказать, а то сейчас позову служанку, и она тебя заберет, – притворно сердясь, произнес отец.

А Тулиола, прижавшись к отцу и делая вид, что ничего не слышит, игриво то открывала личико, то вновь закрывала своими маленькими детскими ладошками.

– Туллия, иди ко мне, – строго произнесла Теренция и властно взяла дочку к себе на руки. Затем, положив руку на плечо мужу, попросила:

– Марк, продолжай.

– Сегодня утром ко мне пришли главы сицилийских общин с просьбой выступить обвинителем против Гая Верреса.

– Да, это еще тот подлец, – подтвердил Аттик. – Мне мои клиенты докладывали, как он обобрал всех купцов на Сицилии, как вывозил товар, не платя даже пять процентов пошлины.

– Квинт, а что ты скажешь? – спросил с тревогой брата Цицерон. – Ведь ты у меня один из главных помощников.

– Марк, скажи, по твоему мнению, каковы шансы на успех в ста процентах соотношений?

– Я думаю пятьдесят на пятьдесят. То, что я найду улики и доказательства, – это факт. То, что я блестяще выступлю, тоже факт, во всяком случае, я на это надеюсь. Но есть одно но! Он очень богат, так как много наворовал, и может купить весь сенат и всех судей, – добавил Цицерон.

– Марк, хорошо, давай рассмотрим все плюсы и минусы, – серьезно и деловито проговорил Квинт. – Если ты проиграешь, то твоя репутация блестящего юриста пострадает, но выиграет репутация честного человека. С одной стороны, это минус, с другой, – плюс. Дальше. Если ты выиграешь, это будет прекрасным стартом на должность курульного эдила и твоя репутация блестящего юриста и ратора вспыхнет ярким пламенем большого римского масштаба. К тому же, если коснуться морального аспекта, ты в очередной раз на деле докажешь, что ты честный и порядочный человек, истинный поборник справедливости. Так же и верно то, что тебя попытаются убить или подослать наемных убийц, но от этого мы постараемся тебя защитить, организовав круглосуточную охрану. Так что в принципе, на мой взгляд, надо соглашаться.

– Милый, я согласна с Квинтом. Это прекрасный шанс. Даже в случае проигрыша мы тебя в обиду не дадим, – поцеловав мужа, проговорила Теренция.

– Тирон, а как ты думаешь? – спросил Цицерон.

Присутствующие давно привыкли к привилегированному положению этого главного помощника Цицерона, поэтому и не удивились тому факту, что Цицерон интересовался мнением раба.

– Хозяин, благодарю, что спросили мое мнение, я ценю вашу доброту. Я согласен с вашей мудрой женой Теренцией, – произнес эти слова, он поклонился в сторону госпожи.

Комплимент той понравился, и она ответила ему улыбкой.

– Я так же согласен и с уважаемым Аттиком, и вашим братом Квинтом. Я уверен, что у нас отличная команда, поэтому мы справимся и победим! – последние слова Тирон произнес очень пафосно, совсем как Цицерон, выступая на форуме.

Все рассмеялись. Цицерон встал и произнес:

– Клянусь Геркулесом! С такими друзьями и соратниками мы просто обязаны победить! Пусть добро и справедливость восторжествуют! Я берусь за это дело! Все друзья подняли чаши с фалернским вином и, чокнувшись, выпили за победу.

На другой день, когда пришли сицилийцы, Цицерон дал согласие. Они бросились его обнимать, целовать и благодарить, утирая слезы.

– Подождите, подождите благодарить и радоваться. Надо сначала выиграть дело. К тому же борьба будет не на жизнь, а на смерть, – добавил Цицерон.

– В любом случае спасибо, что согласились стать нашим заступником. Мы всецело в вашем распоряжении и окажем содействие по мере наших сил и возможностей. Боги все видят: и добро, и зло. Я уверен, они наградят столь достойного мужа, – и Гераклий, покло-

нившись и еще раз поблагодарив сенатора, вместе с радостными и счастливыми сицилийцами покинул дом Цицерона.

Спустя несколько дней, в первых числах январских календ семидесятого года, Цицерон вместе с Тираном подходили к зданию Базилики Эмилия с искомым заявлением, обвиняя Верреса в уклонении от уплаты налогов, в вымогательстве, во взяточничестве и предъявляя иск на компенсацию в размере ста миллионов сестерциев. В описываемое мной время официальной должности государственного обвинителя в Риме не было, и каждый гражданин, располагающий необходимыми знаниями, компетенциями и главное – желанием, мог выступить в роли обвинителя после утверждения и согласования с городским претором.

Когда они зашли в помещение, то увидели мужчину средних лет, сидевшего на стуле перед таблинумом претора, как видимо, ожидавшего аудиенции. Это был тщедушный, с беглым взглядом человек с довольно неопрятной внешностью.

Увидев Цицерона, он оскалился в непонятной улыбке и затем вновь устался в пол, даже не поздоровавшись. Вышел слуга и предложил Цицерону и незнакомцу войти. Тиран остался за дверью.

Таблинум городского претора представлял собой островок изысканной аристократической роскоши. Здесь не было ковров, но стены были искусно украшены фресками, изображающими дела Фемиды. Весь таблинум был полон декоративной зелени в виде миниатюрных пальм, поэтому воздух, несмотря на то, что это был центр города, был свеж и приятен. Посреди таблинума стоял массивный стол из красного дерева, за которым и восседал пожилой мужчина. Это был городской претор Маний Ацилий Глабрион, сын народного трибуна Мания Ациния Глабриона и внук знаменитого римского юриста Публия Муции Сцевола. В юности нынешний глава города подавал большие надежды и мог стать прекрасным оратором, но праздность и временами лень победили. Маний Глабрион был несколько полноват, виной тому были чрезмерные обильные вечерние трапезы и отсутствие занятий физкультурой, которой тот, увы, пренебрегал.

– Приветствую вас, сенаторы, – Маний вышел из-за стола и пожал каждому руки.

– Марк, мой дед всегда тебя хвалил и говорил, что из тебя вырастет отличный юрист. Как вижу, он не ошибся. Твои славные дела бегут впереди тебя, – проговорил Маний.

– Благодарю за столь лестные слова, уважаемый Маний, – и Цицерон в ответ поклонился и добавил:

– Я пришел подать искомое заявление и получить мандат в качестве обвинителя по делу бывшего наместника Сицилии Гая Верреса.

– Понимаю, понимаю, но не торопись. Вот рядом с тобой сидит бывший квестор Сицилии Квинт Цицилий Нигр, который, как и ты, тоже претендует на роль обвинителя.

– Что?!!! Что?!!! – Цицерон удивленно вскочил на ноги и, угрожающе наступая на этого тщедушного человечка, закричал: – О бессмертные боги! Не верю своим ушам! Да кто ты такой? И по какому праву?

В ответ тот испуганно побледнел и слабо проблеял:

– Я Квинт Цицилий Нигр, меня смертельно обидел Веррес, и я хочу ему отомстить, поэтому я прошу претора выбрать меня обвинителем.

– А... Подожди, подожди... Я, кажется, начинаю понимать, – успокоившись, произнес Цицерон. – Маний, простите мне мою вспышку гнева.

– Ты, Нигр, был квестором в период наместничества Верреса? – спросил строго Цицерон, пристально глядя в глаза собеседнику.

– Я не обязан вам на это отвечать, – ответил тот, побледнев.

– Уважаемые сенаторы, коллеги, давайте не будем ссориться и выяснять здесь отношения. Согласно закону вы должны выступить на форуме в дивинациях, и уже присяжные при-

мут решение: кому передать мандат и кто будет выступать обвинителем от имени сицилийцев. Назначаю дату – пятое января. Жду вас обоих с речами, – подвел итог встречи претор.

Когда Цицерон с Тираном покинули здание, Марк был в ярости.

– Тиран! Тиран! Только посмотри на это! Этот пройдоха Веррес подослал какого-то идиота, чтобы он попытался забрать у меня должность обвинителя. Почему, почему мы с тобой об этом не подумали? – с горечью и сожалением произнес Цицерон.

– Хозяин, мы не могли всего предугадать.

– Тиран, у тебя есть один день, чтобы собрать справки об этом Нигре. А также узнай, что там произошло между ним и Верресом на Сицилии, чтобы я мог придумать аргументы и доказать, что это всего лишь уловка Верреса, который рассчитывает с помощью этого недалекого человечка развалить дело.

– Слушаюсь, хозяин. Для этого мне потребуются средства, чтобы подкупить тех, кто располагает какой-либо информацией.

– Хорошо. Возьмешь сколько нужно. Еще. Приведи ко мне вечером кого-нибудь из сицилийцев, кто жил в одном городе с этим квестором и знает о его делах и, возможно, об этой обиде.

– Все сделаю. Не переживайте, – проговорил Тиран и отправился выполнять поручения.

Нужно отметить, что за последующие несколько дней была проделана огромная работа. Проведена встреча с одним из сицилийцев, который хорошо знал обстоятельства стычки между Верресом и Нигром, и будущий обвинитель получил ценную информацию об их истинных взаимоотношениях. Собрана была информация о самом квесторе Нигре, о его слабых и сильных сторонах.

Цицерон также умудрился в эти короткие сроки вместе с Тираном подготовить еще и речь для дивинации. Аттик спрятал в надежном месте всех сицилийцев, чтобы до них не добрались приспешники Верреса.

А вечером за день до слушания верные и постоянные клиенты Цицерона принесли две неутешительные вести. Первая была о том, что завтрашние присяжные заседатели из старинных патрицианских семей подкуплены Верресом и должны отдать свои голоса за Квинта Нигра. Вторая – что защитником Верреса будет сам Квинт Гортензий, извечный соперник Цицерона, и на тот момент считавшийся лучшим адвокатом Рима.

Эти новости сначала расстроили Цицерона, а потом он посмотрел на себя в зеркало и произнес:

– Ну что, Марк, докажи теперь всем, какой ты выдающийся оратор, что, несмотря на подкупных присяжных и блеск имени и таланта Гортензия, ты способен выиграть дивинацию. Это тебе очередное испытание. Радуйся ему! И становись сильнее!

Зарядив себя таким образом и настроив на победу, Цицерон крепко заснул. Настал день дивинации. На пороге дома, уже прощаясь, Теренция, нежно обняв мужа, проговорила:

– Марк, ты победишь! Я уверена: сам Юпитер покровительствует тебе. Я буду мысленно с тобой. Возвращайся со щитом!

Утром десятого января семидесятого года, за три дня до январских ид, Цицерон, брат Квинт, Аттик, двоюродный брат Луций, Тиран и несколько крепких легионеров для охраны, нанятые Квинтом, а также пятнадцать приехавших сицилийцев спускались по Палатинской улице в направлении форума, где и должна была состояться дивинация.

Процессия, двигаясь к форуму, на ходу обрастала новыми союзниками и постоянными клиентами Цицерона, поэтому на подходе к форуму это уже была внушительная когорта, состоящая не менее чем из двухсот человек.

На форуме перед возвышением около ростры на скамьях расположились присяжные заседатели во главе с Манием Ацилием Глабрионом. Перед ними на небольшом расстоянии, не более двух метров, были расставлены скамьи для соперников и их помощников. Слева – для

Цицерона и его друзей, справа – для Квинта Цецилия Нигра и его приспешников. Цицерон, Квинт, Аттик, Луций, Тирон и Гераклий сели на приготовленные для них скамьи перед началом вступительного слова председателя суда присяжных Мания Глабриона. Марк пристально и с интересом начал рассматривать своих противников. Сначала взгляд его остановился на Гае Верресе. Это был тучный, огромного роста мужчина. Его лицо, отягощенное пьянством и разгульным образом жизни, было удивительно похоже на свиное рыло борова. Марк усмехнулся, зная, что фамилия Веррес с латинского переводится как боров. «Да... Боги не ошиблись, дав ему такое имя», – подумал про себя Цицерон. Веррес был одет в дорогую senatorскую тогу. Все пальцы его рук были усыпаны сверкающими золотыми кольцами и печатками, а на его толстой шее болтался огромный медальон с редким изумрудом. Одним словом, весь его облик говорил... Нет! Все кричало о роскоши и богатстве этого человека, которое наглým образом было награблено им в Сицилии. Встретив взгляд Цицерона, Веррес самодовольно усмехнулся и показал ему язык вместе с кукишем. Цицерон же в ответ улыбнулся и подумал: «О бессмертные боги! Как таких плохо воспитанных и необразованных людей вы допускаете к управлению...». Потом его взгляд переместился на утонченного и стильно одетого щеголя, импозантного Квинта Гортензия, который даже одним своим видом умудрялся вызывать доверие у слушателей, не говоря уже о его блестящей, эмоциональной манере речи, подкрепленной постоянным движением и яркой жестикуляцией. Именно за эту манеру в народе его за глаза и прозвали «танцором». Встретив взгляд Цицерона, тот отвел глаза в сторону. Марку даже показалось, что в глазах Гортензия промелькнуло какое-то сожаление. «Может быть, это была жалость по отношению ко мне?» – задумался Цицерон. Ну и последний, на ком остановил свой взгляд Цицерон, был тщедушный соратник Верреса, в свое время бывший квестором в Лилибее в семьдесят третьем году, Квинт Цицилий Нигр. Вот в его-то глазах Марк прочел страх и неуверенность.

Тем временем претор Маний взшел на ростру и, подняв приветственно руку, запросил тишины у многочисленной толпы, ожидающей представления:

– Квириты! Сегодня мы собрались с вами для важного дела. Нам необходимо решить, кто будет защищать наших друзей сицилийцев в их иске против Гая Верреса.

– А что тут решать!!! Цицерона хотим! Цицерона!!! – прокричали в ответ, перебивая претора, все сицилийцы.

– Если вы будете мне мешать, мы вас арестуем и посадим, чтобы остудить ваши головы! – гневно произнес Маний.

– У нас есть два претендента на должность государственного обвинителя, – продолжил глава. – Прошу их обоих встать. Квинт Цицилий Нигр.

При этих словах вышеназванный человечешка встал. В ответ раздались свист и улюлюканье толпы.

– И Марк Туллий Цицерон, – произнес затем Маний.

Цицерон встал, и при звуке его имени вся многочисленная толпа взорвалась аплодисментами. Да... Цицерон уже был известен своими славными победами и добрыми делами. А толпа любит победителей. Так было всегда, даже две тысячи лет назад...

– Подойдите оба ко мне и вытяните жребий, кто будет выступать первым. Цицерон загадал орла, Квинт – решку. Претор подкинул монетку вверх, и та полетела высоко к богам на Олимп. *Шучу*. Пока она летела вниз обратно, Цицерон загадал: «Если выпадет орел и право решать, когда выступать, будет за мной, то через семь лет я стану консулом». Еще немного и... монетка оказалась в прикрытой ладони Мания. Он медленно, сохраняя интригу, открыл ладонь и..., все увидели, что она лежала вверх орлом. Цицерон выдохнул и улыбнулся про себя, подумав: «Быть тебе, Цицерон, консулом. Или я ничего не понимаю в знаках богов».

– Выбор за Марком Туллием Цицероном, – громко объявил Маний.

– Я предоставляю право выступить первым Квинту, – с поклоном произнес Цицерон и сел на свое место.

Едва он сел, как его брат с опасением спросил:

– Марк, зачем ты отдал право выступать первому Нигру?

– Брат, не переживай. Я собрал информацию. Он не является ритором, он даже двух слов связать не может. Его речь будет блеклой и скучной, а затем выступлю я. И между нашими речами будет контраст в мою пользу. После этого под впечатлением моей речи присяжные начнут голосовать. *Запомни брат: запоминается последнее.* Как ты думаешь, такая стратегия увеличивает шансы на победу?

– Да, я думаю, ты прав. Ладно, давай послушаем, что нам напоеет этот «соловей», – усмехаясь, произнес Квинт.

Квинт Цицилий Нигр взошел на ростру. Весь его вид кричал, вопил о неуверенности и страхе ратора. *Как вы думаете, зрители, присяжные заседатели это заметили?* Претендент начал свою речь с того, что восхвалил себя как правителя Лилибея. Много говорил о том, сколько он сделал добрых дел, будучи квестором. Все эти его слова были встречены дружным хохотом и негодованием всех собравшихся сицилийцев. Упомянул и о том, как он-де сочувствует сицилийцам и понимает их. Затем проговорил о смертельной обиде, которую нанес ему Веррес, и о том, что он ему этого никогда не простит. Проговаривая все это, он прятал свой взгляд и от Верреса, и от присяжных заседателей. Время от времени он подглядывал в какие-то записи, видимо, подсказки, чтобы не забыть, что говорить дальше. Одним словом, вся его речь была мучением как для него самого, так и для всех собравшихся. Когда же Квинт Цицилий закончил свое выступление и сел на свое место, все облегченно вздохнули, устав от этой пытки.

Настала очередь Цицерона.

Он поднялся на ростру и посмотрел на огромную людскую толпу, собравшуюся на форуме. Здесь были клиенты как Цицерона, так и Верреса, праздные гуляки и торговцы, гладиаторы и ланисты, домохозяйки и ростовщики, вольноотпущенники и свободные граждане....

А что видели они? О.... они видели уверенного молодого сенатора с гордо поднятой головой, блестящего оратора и политика, почетного гражданина Римской империи. Каждый его жест, взгляд говорили о том, что перед ними стоит истинный победитель!

– *Позвольте, я спрошу всех присутствующих, — начал свою речь спокойным и выдержанным голосом этот блестящий ритор, — есть ли шансы выжить у молодого, юного и неопытного воина против опытного центуриона, прошедшего несколько войн и обладающего совершенными навыками убийцы?*

Задав этот вопрос, он сначала посмотрел на съежившегося под его взглядом Нигра, а потом повернулся к толпе. (*Прием молниеносного захвата внимания с помощью риторического вопроса*).

– Нет, нет, – слышались в ответ голоса.

– Да центурион беднягу просто порвет на лоскутки, – раздались крики из толпы.

Цицерон поднял руку, требуя тишины, и продолжил:

– А молодой зеленый актер сможет переиграть самого Квинта Росция?

Толпа засмеялась, и раздались крики:

– Да скорее орел превратится в жаворонка! Или Тибр повернет свои воды вспять!

– Меня зовут Марк Туллий Цицерон. Поднимите руки, кто меня знает?

В ответ в небо тут же взмыл целый лес рук.

– Сицилийцы, кого вы хотите видеть в качестве защитника?

– Только тебя! Тебя, Цицерон! – со всех сторон раздались крики присутствующих сицилийцев.

– В решении этого спора, уважаемые судьи, есть два важных момента, – продолжил опытный оратор. – Первый: кого желает видеть в качестве обвинителя сицилийская община? Вто-

рой: кого в этой роли желает меньше всего видеть Веррес? Кого желают видеть заступником сицилийцы? Меня! Вот они сидят перед вами, уважаемые присяжные заседатели. Разве их мнение ничего не значит для вас? Как вы думаете, почему они испытывают ужас и страх при мысли о том, что в роли их обвинителя может выступить Квинт Циций Нигр? Может, потому что они его не знают? Нет! Они слишком хорошо его знают! Нигр так же, как и я был в свое время квестором в Лилибее, но позже меня на несколько лет. Если бы сицилийцам понравилось его управление, разве не логично было бы сейчас именно к нему обратиться за помощью, а не ко мне, который был квестором тремя годами ранее? Почему же тогда сицилийцы обратились именно ко мне, уважаемые судьи, как вы думаете?

И Цицерон, приблизившись к судейской скамье, пристально посмотрел в глаза Манию Глабриону, пытаясь понять, на чьей он стороне. Судья отвел свой взгляд в сторону.

– Просто Квинт Циций Нигр был о-ч-е-нь, ну очень хорошим помощником Верресу..... *(здесь Цицерон намеренно сделал секундную паузу для усиления последующих слов)* в разграблении бедной Сицилии... Он говорит: «*Меня смертельно обидел Веррес*». Правда ли это? Да, правда. А знаете, чем обидел и что сделал этот Нигр, будучи квестором? Он так обобрал одну порядочную женщину, которая занималась торговлей и имела несколько морских судов, что она просто осталась нищей! Действительно, нечего сказать – хороший управленец! Все себе в дом! Прямо, как курица-наседка, все под себя да под себя.

После последнего предложения Цицерона раздался неудержимый смех толпы, видимо мысленно представившей Нигра в роли курицы.

– Наивная женщина пошла и пожаловалась Верресу. Глупая! Знала бы, кому она жалуется! Что тут началось! Претор Сицилии исполнился благородного негодования, нахмурил брови и начал метать громы и молнии прямо, как Зевс-громовержец.

Цицерон встал на цыпочки, надул щеки и сделал комичный грозный вид, чем вызвал гомерический хохот всех собравшихся *(создание визуального образа с помощью актерских приемов)*.

– Веррес грозно потребовал, чтобы квестор вернул все, все до последнего асса! И тут произошло чудо – *«вдруг он, как будто выпив кубок Цирцеи, из человека становится... Верресом»*¹. А возвращенное добро Веррес тут же присвоил... *(пауза)* Нигр оскорбился, узнав об этом. Но дальновидный Веррес в качестве компенсации, так как ему все-таки нужны были союзники на Сицилии, предоставил затем возможность и Нигру пожить, но только в другом деле, и неприязнь между ними навсегда была забыта. Что было потом? Они стали закадычными друзьями. Наместники ходили друг к другу в гости, пили вино, тискали сицилийских женщин, одним словом, приятно проводили время в совместных увеселениях. У меня есть свидетельства сицилийцев, подтверждающих это. И вдруг Квинт Нигр, спустя некоторое время после этой дружбы, решает мстить своему благодетелю! Зачем? Или ты такой неблагодарный человек и вероломный друг? Или ты – преварикатор²?

При этих словах Цицерон грозно приблизился к трясущемуся от страха Нигру, который с содроганием посмотрел на Цицерона.

– Помните, в начале своего выступления я затронул тему центуриона и мальчика? *Это была аллегория*. Скажи, Квинт, есть ли у тебя подобный опыт ведения уголовных дел, как у меня? Учился ли ты риторскому мастерству? Сможешь ли ты предоставить полную картину всего дела и доказать виновность Верреса? Умеешь ли ты сделать так, чтобы тебя интересно было слушать? А? Что молчишь? Если ты спросишь меня, имею ли я эти качества, я тебе отвечу так: чему-то я научился, что-то еще не умею, пусть за меня говорят мои дела, но я честно стремлюсь своим трудом и прилежанием заработать все вышеназванные качества. Обладаешь ли ты необходимыми навыками, знаниями, чтобы сокрушить лучшего адвоката Рима Квинта Гортензия? Или ты думал, что достаточно будет все по бумажке прочитать и после этого выиграть

дело? Я заранее представляю, как будет насмехаться над тобой Гортензий, сколько мучений ты вынесешь, каким посмешищем ты станешь для всех граждан Рима! Думал ли ты об этом?

– Да, я уверен, Гортензий – достойный соперник, – и Цицерон отвесил поклон в сторону лучшего адвоката, чем вызвал насмешку последнего. – Но я не боюсь его, и меня не пленят его сладкие речи. Я смогу собрать материал и доказательства в кратчайшие сроки и доказать виновность Верреса, несмотря на его столь именитого адвоката. Ответь мне, Квинт, сможешь ли ты работать по двадцать часов в день, недосыпать, недоедать? А для меня такой режим обычен.

– Уважаемые судьи, – Цицерон резко развернулся в сторону присяжных заседателей и пристально посмотрел на тех, – чем рискует Квинт? Может, репутацией? Да нет же! Он ее еще не заработал, да и не заслужил. Чем рискует Цицерон? Всем! Своей репутацией, профессионализмом и доверием бедных сицилийцев.

– Мне доверяют сицилийцы, тебе, Квинт, нет. Посмотри им в глаза! – приблизился к тому опять Цицерон. – Если ты найдешь хоть у одного из этих достойнейших представителей сицилийских общин в глазах непреодолимое желание, чтобы ты стал обвинителем, я умою руки и откажусь от этого дела. Но я не вижу этого!

Цицерон, приблизившись к сицилийцам, посмотрел тем в глаза:

– На мой взгляд, выбор очевиден. И он явно говорит в мою пользу. А теперь, судьи, вам решать, кого из нас вы сочтете более способным и достойным вынести на своих плечах это сложное и непростое дело. ...*«Но знайте одно: если вы предпочтете мне Квинта Цецилия, то я не сочту это поражением для своей честности, а вам придется беспокоиться при мысли о римском народе, который из вашего вердикта выведет заключение, что слишком честное... обвинение показалось неудобным вам»*³...

Закончив свое блестящее выступление, Цицерон гордо посмотрел на присяжных заседателей взглядом уверенного в своей победе сенатора и сел на свое место. В воцарившейся тишине присяжные приступили к голосованию. Каждому из десяти судей раздали восковые таблички, на которых они должны были написать имя того, кому они доверяют быть обвинителем. Наступило ожидание, долгое, жуткое и противное ожидание участи для всего сицилийского народа. Сицилийцы сидели ни живы ни мертвы, глядя с надеждой на Цицерона. А тот им в ответ улыбнулся, обнадеживая взглядом.

Наконец председатель суда Маний Глабрион собрал таблички и начал объявлять голоса, демонстрируя табличку каждого члена присяжных заседателей всем присутствующим на форуме:

– Нигр. Нигр. Нигр. Нигр.

Когда четыре раза прозвучало это имя, у сицилийцев потух взгляд, они стали обреченно смотреть в землю, ожидая теперь мести со стороны Верреса. Даже Цицерон удивленно посмотрел на присяжных, но, встретив насмешливый взгляд братьев Метеллов, понял, кто голосовал против него.... Но затем все оставшиеся шесть голосов судей были отданы ему – Цицерону!

– Итак, уважаемые граждане Рима, большинством голосов государственным обвинителем по делу Гая Верреса назначается Марк Туллий Цицерон! – важно произнес председательствующий судья Маний Глабрион.

– Сколько дней тебе требуется на подготовку? – обратился Маний к Цицерону.

Цицерон молниеносно прикинул в голове, что лучше бы слушание дела провести до лета, до того как пройдут выборы новых консулов, так как, если на соискании должности будущего консула победит Гортензий, ему, Цицерону, будет сложнее выиграть это дело.

– Сто десять дней прошу, судья, – поклонившись, ответил Цицерон.

– Хорошо. Значит, слушание дела назначается на четвертый день до майских нон, то есть четвертого мая. Цицерон, ты должен явиться ко мне с отчетом, как идет предваритель-

ное следствие, на двадцатый и шестидесятый день согласно закону Ацилия⁴. Завтра получишь преторский мандат на ведение расследования.

После оглашения всех этих указаний судья вместе с присяжными заседателями с достоинством удалились. Веррес в бешенстве вскочил на ноги и, отшвырнув скамью, бросился с форума, сметая все на своем пути. К Цицерону подошел Гортензий и, улыбаясь своей мерзкой и липкой улыбкой, произнес:

– Цицерон, в этом году я обязательно стану консулом. Я раздавлю тебя, как мелкую букашку. У тебя на всю жизнь отпадет охота вставать у меня на пути.

– Гортензий, желаю тебе искренне победить в выборах и стать консулом. Что касается твоей угрозы, скажу так: я не боюсь ни тебя, ни твоих угроз, ни твоих денег, которыми ты купил все и вся. За моей спиной закон и справедливость, и клянусь Геркулесом, победа будет на моей стороне! А теперь прощай.

И Цицерон демонстративно повернулся спиной к Гортензию, даже не дослушав, что тот попытался прошептать в ответ. Тут же к Цицерону подошли сицилийцы и стали обнимать его, благодарить, радоваться, словно дети, радоваться так, как будто они уже выиграли дело...

Справедливость восторжествовала.... Как бы хотелось, чтобы в нашей жизни это происходило как можно чаще...

Примечания

¹ «Вдруг он, как будто выпив кубок Цирцеи, из человека становится... Верресом» – смысл этого каламбура в следующем: согласно мифу волшебница Цирцея умела варить зелье, испив которое, человек становился свиньей. А жила она где-то на юге Италии, возможно, даже в Сицилии. Слово же «веррес» по-латыни означает «боров», «свинья».

² Превариатор – человек, который пытается «развалить» дело.

³ «Но знайте одно: если вы предпочтете мне Квинта Цецилия, то я не сочту это поражением для своей честности, а вам придется беспокоиться при мысли о римском народе, который из вашего вердикта выведет заключение, что слишком честное... обвинение показалось неудобным вам» – Цитата. Цицерон. Дивинация Цицилию.

⁴ Закон Ацилия (Семпрония) о взыскании денег, полученных незаконным путем от 122 г. до н.э.

Глава VI. У кого из нас хватит сил трудиться по двадцать часов в день на протяжении пятидесяти дней?

Труд притупляет боль.
М. Т. Цицерон

Вечером после дивинации все родственники и друзья собрались в доме Цицеронов, приехал даже отец из Арпинума, предчувствуя победу сына.

– За моего мужа и будущего консула! – произнесла тост Теренция, подняв чашу с фалернским, и нежно поцеловала супруга.

Да... замечательно, когда рядом с тобой есть любящая женщина, которая поддерживает во всем и верит в тебя. Кто-то из великих сказал, что в большинстве случаев грандиозные достижения любого мужчины – это заслуга Великой женщины, находящейся рядом с ним во время его восхождения на Олимп успеха...

– Спасибо, любимая, – произнес в ответ Цицерон и в свою очередь нежно поцеловал жену. – Спасибо и вам, дорогие друзья, за ваш труд и поддержку.

И Цицерон поднял чашу с вином, но, едва пригубив, поставил обратно на сервировочный столик и продолжил:

– Как вы все прекрасно понимаете, это лишь начало. Мы выиграли только первое сражение. Теперь предстоит тяжелая, серьезная и опасная работа по сбору доказательств вины Гая Верреса. Я уверен, они: Метеллы, сам Веррес, его адвокат Гортензий – будут мне втыкать палки в колеса и всячески затягивать процесс. Сейчас зима, и я не могу поехать в Сицилию, так как в этом случае не успею вернуться на двадцатый и шестидесятый день с докладом к претору о том, как идет предварительное следствие, что я, согласно установленной процедуре, обязан сделать. Думаю сейчас все свои силы направить на сбор информации здесь в Риме. После тринадцатого марта, то есть через шестьдесят дней, мы с Тираном отправимся в Сицилию, и у нас будет всего пятьдесят дней, чтобы подготовить факты, свидетельства, найти улики, переговорить с очевидцами и собрать доказательства преступлений Гая Верреса.

– Да, бедный мой брат, тяжелую ношу ты на себя взвалил, – задумчиво покачал головой младший брат Квинт. – Мой тебе совет: отправь Тирана первым делом в государственный табулярий¹. Ты же помнишь, в бытность свою квестором на Сицилии ты регулярно слал туда отчеты. Это обязан был делать и Веррес. Хотя, если честно, вероятность того, что там что-то сохранилось, ничтожна мала. Скорее всего, Веррес уже все уничтожил. Но все-таки попытку, я считаю, необходимо сделать. И еще, Марк, для твоей безопасности на период расследования этого дела необходимо, чтобы ты всегда ходил с охраной, иначе наемники Верреса могут попытаться тебя убить.

– Я согласен с твоим младшим братом. Хотя я и рад за тебя, сын, что ты победил в дивинации и будешь защищать честь и достоинство ограбленных сицилийцев, но сердце мое переживает за твою судьбу и тревожится о тебе, – проговорил печально отец Цицерона.

– Друг, если потребуются деньги, не стесняйся, проси — дам сколько необходимо. И твою поездку на Сицилию я оплачу, – добавил самый близкий друг Аттик.

– Спасибо, спасибо, дорогой друг. Слава бессмертным богам за то, что мы с Теренией имеем хороший доход от аренды с нескольких инсул, находящихся в районе Субуры, поэтому деньги у нас есть. Но в любом случае спасибо, дорогой Аттик, за предложение. Я предлагаю сегодня закончить разговор о делах наших насущных. Давайте веселиться и отмечать победу, а то, боюсь, завтра времени уже на отдых не будет....

...Ранним-ранним утром Цицерон проснулся от нежного поцелуя Теренции, прошептавшей:

– Просыпайся, милый, к тебе пришел какой-то гость в неурочное время и просит аудиенции.

– А сколько времени? – спросил сонный муж.

– Всего полшестого утра. Не знаю почему, но рабы сначала разбудили меня, да еще в такую рань, – притворно сердясь, проговорила молодая жена и залезла вновь под одеяло, пытаясь продолжить свой потревоженный сон.

Цицерон в ответ ласково поцеловал жену, оделся и спустился вниз. Тирон ждал уже внизу.

– Хозяин, я говорил этому гостю, что вы сегодня никого не принимаете, но он ничего не хотел слушать и только твердил, что это очень важно и касается дела Верреса.

– Ну что ж, сами боги, видимо, нам помогают. Зови его немедленно! – и Цицерон уселся в свое любимое кресло, протянув ноги к камину, пытаясь согреться ранним морозным январским утром.

Через пару минут в атриум вошел Тирон в сопровождении незнакомца. Одет тот был неважно: дешевый палий, на ногах потертые сапоги, изношенная шляпа. Весь его вид говорил о том, что это или вольноотпущенник, или бедняга, лишившийся всех своих средств к существованию.

Зайдя в атриум, он прищурился и, поклонившись Цицерону, проговорил:

– Уважаемый сенатор, у меня есть для Вас интересное предложение. Гм...

– Что за предложение и в чем его суть? – спросил заинтересованно Цицерон, внимательно разглядывая гостя. – Как вас зовут?

– О... мое имя мало кому известно, в отличие от Вашего. Так я вот о чем...

Незнакомец откашлялся и посмотрел на Тирона. Марк перехватил его взгляд и произнес:

– Говорите смело при нем. Это мой главный помощник, и у меня нет от него секретов.

– Мой хозяин Веррес...гм.... спрашивает, сколько вы хотите денег, чтобы развалить это дело? Озвучьте любую цифру, и вы получите все сполна прямо сегодня, — произнес тот, наконец, выдавив все слова и опустив плешивую голову вниз.

– Что? Что?!!! Не верю своим ушам! О бессмертные боги, будьте свидетелями! Ты мне предлагаешь взятку?! – Цицерон в бешенстве вскочил с кресла.

Глаза его вспыхнули гневом, он сжал кулаки, казалось, еще мгновение и он набросится на посетителя:

– В-о-н!!! В-о-н!!! Я обвиняю Верреса во взятках и вымогательствах, а ты решил меня подкупить? Если я возьму деньги, то чем я буду лучше его?

– Пошел вон! Клянусь Геркулесом, если ты сию минуту не уберешься с глаз моих долой, я прикажу поколотить тебя моим слугам! – и Цицерон, метнув свирепый взгляд на посетителя, сделал знак Тирону, чтобы тот его вышвырнул за двери дома.

В бешенстве он покинул свой табулум, отправившись обратно в кубикулу и повторяя про себя: «Ах, какой наглец! Какой наглец этот Веррес! И ведь хватило дерзости отправить ко мне в дом какого-то проходимца! И ради этого разбудить меня в такую рань!».

Когда он вошел обратно в кубикулу, то увидел зевающую Теренцию, которая так и не смогла заснуть.

Встретив рассерженный взгляд мужа, она удивленно спросила:

– Милый, что случилось? Почему ты так сердишься?

– Ты не представляешь! Этот наглец Веррес прислал своего приспешника, чтобы предложить мне взятку! Мне!!! Мне!!!

– Дорогой, иди ко мне, — Теренция усадила на кровать Цицерона, нежно обняла и начала успокаивать, как ребенка.

– Марк, а чего еще можно было ожидать от Верреса? Он же всех людей мерит по себе, считая, что все продается и покупается. Что ты так завелся? Это же глупо обижаться на таких людей. Они только такими методами и действуют.

– Не знаю, почему я так завелся. Обидно, наверное, что он мог себе вообразить, что я приму его предложение, — уже начиная успокаиваться под воздействием голоса жены, произнес Цицерон.

– Милый, любимый, тебе потребуется вся твоя выдержка и терпение в этом деле. Вот увидишь, это предложение от Верреса только первая ласточка. Этот мерзавец придумает еще какие-нибудь уловки, чтобы развалить или затянуть это дело, вот увидишь. Так что береги свои нервы и силы: они тебе еще пригодятся. Раз нас с тобой уже разбудили, иди-ка лучше ко мне, я кое-что тебе покажу, — игриво произнесла молодая жена и увлекла Цицерона в свои объятия.

Мудрая женщина всегда знает, как успокоить и утешить мужчину...

Вечером из государственного табулярия с важными новостями пришел Тирон. Цицерон ждал того в таблинуме, составляя план действий по сбору доказательств, пока они еще не уехали из Рима.

– Ну что? Рассказывай быстрее! – нетерпеливо приказал слуге хозяин, откинувшись в своем любимом кресле из красного дерева.

– Хозяин, я первый раз был в этом табулярии. Он вызвал у меня неподдельное восхищение и даже какой-то благоговейный страх. Над входом красовалась надпись: *«Лутаций Катулл, сын Квинта, внук Квинта, согласно декрету сената, повелел соорудить государственный архив и по окончании счел его удовлетворительным»*, а под надписью красовалась статуя самого Катулла в полный рост. А сколько всего там было внутри!!! Тысячи и тысячи свитков из папируса под именами Эмилиев, Клавдиев, Корнелиев, Лутациев, Метеллов, Сервилиев.

– Тирон, Тирон, хватит лирики, давай к делу. Тебе выдали запрошенные мной отчеты Верреса о его хозяйственной деятельности?

– Простите, хозяин, я так увлекся своим рассказом. Я предъявил ваш перстень и потребовал все документы согласно преторскому мандату. Служитель попытался сказать, что никогда не слышал о сенаторе Цицероне, тогда я, простите, от вашего имени пригрозил ему тюрьмой в случае неподчинения. Этот паршивый вольноотпущенник сразу же ушел за документами, оставив меня ждать за массивной бронзовой дверью. Спустя тридцать минут он появился и подал мне какой-то ящик.

– И? – нетерпеливо переспросил хозяин.

– Увы, там были только какие-то счета, относящиеся к преторе Верреса в Риме и все! Больше ничего! Вот их копии, – и Тирон протянул бумаги Цицерону.

– А на мой вопрос, где отчеты из Сицилии, тот ответил, что они еще не пришли, – сокрушенно разведя руками, проговорил Тирон.

– Не пришли? – насмешливо проговорил Цицерон. – Да, этого и следовало ожидать. Ладно. Что ты еще разузнал?

– В бытность свою претором в Риме в семьдесят четвертом году Веррес вел бойкую торговлю завещаниями.

– Что это значит? – спросил удивленный Цицерон.

– Он брал с каждого, кто хотел войти в наследство после смерти родственника, мзду. Даже если в завещании черным по белому было прописано, что родственник наследует имущество или деньги покойного.

– Поистине изобретателен мошенник!

– Хозяин, еще вот что... Я успел за день разыскать несколько ограбленных наследников, и сейчас они ждут у дверей нашего дома, готовые подтвердить данные факты, — добавил Тирон.

– И они согласились прийти? Молодец, Тирон! Хорошая работа! Как тебе это удалось?

– Немножко денег на подкуп, получение необходимой информации, капелька смекалки, ну и немного моего труда, – ответил, скромно поклонившись, Тирон.

– Что бы я без тебя делал! Ладно, заводи их ко мне в таблинум тихонько, чтобы домашних не побеспокоить.

– Слушаюсь, хозяин.

Через некоторое время таблинум Цицерона наполнился несколькими людьми разного социального статуса. Были здесь и торговцы, и ростовщики, и банкиры, и ремесленники. Места всем на стульях не хватило, поэтому кто-то остался стоять, а кто-то, не стесняясь, сел на дорогие греческие ковры прямо на пол.

Первым начал самый бойкий молодой человек лет двадцати пяти, одетый в добротную римскую тогу:

– Уважаемый Цицерон, виданое ли дело, чтобы мы выпрашивали свои деньги, положенные нам по завещанию, или включения себя в завещание своего же родственника, если тот внезапно умер! Это неслыханно! Натуральный грабеж и вымогательство! Более того, вся эта неприятная и мерзкая процедура проходила в доме любовницы Верреса, женщины довольно легкого поведения, а если проще – самой настоящей шлюхи! И мы, достойные граждане Рима, должны были с ней общаться! Это было унижительно! Именно через нее и обдeldывал свои делишки этот Веррес, вымогатель и самый настоящий мерзавец, каких Рим еще ни видывал! За что мы платили деньги? За что?

Его гневные высказывания и реплики подтвердили все присутствующие. Цицерон всех выслушал, удивленно и гневно покачивая головой. Тирон составил бумагу, записал все их показания и взял подписи. После чего Цицерон, заручившись поддержкой и согласием присутствующих выступить свидетелями на суде, с благодарностью пожал каждому руку на прощанье и отпустил.

Немного перекусив фруктов, Цицерон и Тирон вновь продолжили работу.

– Докладывай, что ты еще раскопал, мой верный помощник?

– Во время своей квестуры в Цизальпийской Галлии в консульстве Карбона (восемьдесят второй год) Веррес захватил военную кассу, оставив своего консула, войска, свои обязанности, провинцию, и перешел на сторону Суллы.

– Кто это может подтвердить?

– Я думаю, найду пару человек, но на это потребуется время. – Хорошо, Тирон, что еще?

– Во время легации и проквестуры в Азии при Долабелле (восемидесятый и семьдесят девятый года) Веррес разграбил провинцию и предал своего покровителя. Обуреваемый своей алчностью, Веррес потребовал от Милетцев корабль, который должен был сопровождать его в Минд. Получив лучший во флоте вооруженный корабль и прибыв в Минд, он отправил матросов пешком назад в Милет, а корабль продал людям, являющимися врагами государства. – Какой ужас, Тирон! О бессмертные боги!!! Что за ненасытный мерзавец! Да... Ладно, на сегодня хватит информации, уже полночь. Пойдем отдыхать. Я доволен проделанной тобою работой!

– Спасибо, хозяин, – поклонился с благодарностью его помощник.

Весь январь Цицерон и Тирон собирали различные доказательства, встречались с недовольными, обманутыми и обиженными гражданами Рима, записывая все их свидетельские показания.

— Свидетельские показания, конечно, хорошо. Но еще бы найти хоть какие-нибудь уличающие документы в Риме до отъезда на Сицилию..., — размышлял Цицерон.

Наконец, благодаря информации, полученной от целой армии своих клиентов, Цицерон узнал, кто вел хозяйственные книги в период наместничества Верреса на Сицилии. Им оказался некий Вибий, вольноотпущенник, который как раз сейчас находился в Риме. Цицерон, в силу своего юридического опыта, понимал, что, как правило, всегда делают копии на случай

потерь, краж, пожара и т.д., поэтому Цицерон был убежден, что сейчас есть хороший шанс найти хотя бы какой-нибудь документ.

Как только Цицерон узнал точный адрес местонахождения Вибия, он, не мешкая, взял с собой Тирона и двух крепких рабов для охраны и отправился к нему.

Проживал этот Вибий в районе Субуры в убогой инсуле на четвертом этаже. Когда они постучались в дверь, то сначала долго никто не открывал, потом послышался настороженный голос:

– Кто там?

– Именем претора, Вибий, открывай, или мы сломаем дверь, — грозно произнес Тирон.

– Что вам от меня надо?

– Открывай немедленно!!! — в ответ за дверью послышался какой-то шум, и сразу почувствовался запах горелой бумаги.

– Ломайте! Ломайте быстрее дверь! Он что-то сжигает! — приказал Цицерон.

Рабы быстро выбили дверь, но Вибий успел что-то сжечь прямо в медном тазу на полу, вследствие чего вся комната была наполнена едким дымом.

– Негодяй! — схватил того за грудки Цицерон. — Что ты уничтожил?!

Тот в ответ только испуганно мотал головой и молчал, как рыба. Отшвырнув Вибия на кровать, Цицерон приказал своим рабам обшарить всю его комнатушку. И... чудо! Поистине. ***Кто ищет, тот всегда найдет!***

Тирон протянул хозяину две какие-то маленькие бумажки. При одном взгляде на сохранные копии Цицерон победоносно воскликнул:

– Слава Геркулесу! Нам помогают боги!

В руках Цицерона оказались два маленьких счета. Они были присланы из Сицилии из Сиракузского порта в таможенную кампанию одним агентом. В этих счетах были перечислены вещи, которые Веррес провез, не заплатив пять положенных процентов за растаможивание.

– Тирон, только послушай, что потребовалось этому грабителю, да еще в таком огромном количестве, — произнес Цицерон, — четыреста амфор меду, пятьдесят роскошных диванов, тысячи стадий мелитских тканей, огромная коллекция канделябров. Вот скажи, зачем? Зачем одному человеку столько?!

– Хозяин, видимо, такова человеческая природа, — ответил Тирон.

– Вибий, мы изымаем эти документы. А ты можешь дальше трястись от страха, и моли богов, чтобы я не привлек тебя к суду за соучастие, — промолвил Цицерон, покидая эту грязную комнатушку.

Во время дела Верреса раскрылся новый талант Цицерона: умение анализировать, сопоставлять факты, находить улики и делать правильные выводы. А если сказать проще — талант сыщика.

Справедливо размышляя о том, что награбленное и вывезенное богатство из Сицилии должно было находиться где-то в Риме и, следовательно, оно просто обязано было пройти таможенный контроль, Цицерон нанес визит в надлежащую контору. Явившись туда, он потребовал документы, связанные с растаможиванием товара из Сицилии за период, начиная с семьдесят третьего по семьдесят первый год. Служители конторы сокрушенно развели руками, показав пустые ящики. Тогда Цицерон встретился с хозяевами конторы и убедил их рассказать правду. Как у него это получилось, об этом история умалчивает, но я не думаю, что он выбил у них признание с помощью кулаков....

Хозяева признались Цицерону во всем. Вот что они рассказали.

Некий Карпинаций, главный делец среди сицилийских откупщиков, в свое время был привлечен Верресом в союзники. Он-то и помогал вывозить Верресу беспощинно все

из Сицилии, вызывая тем самым справедливый гнев всех местных торговцев. С Карпинацием и имели дела хозяева таможенной конторы в Риме.

Более того, Карпинаций перед отъездом Верреса в Рим попросил их уничтожить все документы, и они согласились, не захотев ссориться с Верресом и становиться его врагами.

Цицерон поблагодарил их за очень ценную информацию и заручился их поддержкой и согласием дать свидетельские показания в суде, если потребуется. О боги! Знал бы! Знал бы Веррес, какие уже убийственные доказательства его вины раскопал неутомимый Цицерон, находясь еще только в Риме.

Через двадцать дней Цицерон, как положено, явился к претору Манию Глабриону и отчитался в том, как идут дела.

Затем неутомимый обвинитель вновь продолжил работу. Денно и ночью Цицерон собирал информацию о преторстве Верреса в Риме, раскапывал улики, выискивал факты, получал свидетельские показания. В ходе всех этих работ явственно вырисовался портрет этого человека. А человеком он оказался, надо отметить, весьма и весьма неприятным: жадным, хитрым и подлым. Вся эта информация была необходима Цицерону для его речи в той части, где он раскрывал неприглядный образ Верреса. По этим поступкам и делам Верреса составлялся психологический портрет. И все его «славные» дела свидетельствовали о том, что в прошлом он был вором, вымогателем и грабителем и, следовательно, в будущем манера поведения вряд ли могла у этого подлеца измениться. Как говорили древние, ***что было сделано один раз, обязательно произойдет и второй раз.***

Все эти три месяца поддерживали Цицерона и помогали в расследовании и Квинт, и Луций, и Аттик. Жена, это незаменимая и мудрая советчица, просто вдохновляла его и заряжала свое верой в успех. Одним словом, без поддержки близких сложно пришлось бы Цицерону. Верно говорят, когда тебя окружают люди, верящие в твой успех, они заряжают тебя энергией, если хотите, они дают крылья для достижения цели.

Была ли личная жизнь у Цицерона в этот период? Я думаю, конечно, была, ведь он живой человек. Но если составить пропорцию отдыха и работы, думаю, соотношение было бы таким: тридцать на семьдесят. Тридцать процентов – отдых и личная жизнь, а семьдесят – работа, работа и еще раз работа. ***Все ли мы с вами обладаем такой работоспособностью и целеустремленностью?***

Наконец тринадцатого марта семидесятого года, за два дня до мартовских ид и за четыре дня до праздника либералий², отчитавшись на шестидесятый день перед претором в том, как идут дела, Цицерон в тот же день вместе с Тираном покинул Рим, отправившись по Аппиевой дороге в ближайший морской порт, чтобы оттуда отплыть в Сицилию.

Цицерон очень сильно торопился, стремясь успеть собрать доказательства за пятьдесят дней. Причина спешки была в следующем: если слушание дела начнется, как положено, четвертого мая, в день, который назначил судья, то у Цицерона будет три относительно спокойных месяца, чтобы выиграть это дело. Почему относительно? Если Квинта Гортензия выберут консулом, то он обязательно будет пытаться использовать свое консульское влияние на ход дела. В этом Цицерон был убежден на сто процентов. Слушание важно было закончить до шестнадцатого августа. Шестнадцатого августа должен был состояться триумф Великого Гнея Помпея, победившего в войне с Митридатом. А такие триумфы, как правило, справлялись очень и очень долго. А если быть точнее – несколько дней, и соответственно после триумфа интерес местной публики к делу Верреса был бы наверняка утерян.

А осенью начиналась целая серия затяжных празднеств, которые продлились бы до середины ноября и, естественно, оные полностью потушили бы пламя интереса римской аудитории к этому слушанию. Из этого следует, что выбора у Цицерона просто не было. Он обязан был вернуться через пятьдесят дней и ни днем позже с собранными доказательствами и фактами.

В середине марта Цицерон вместе с Тираном высадился в Мессане, ближайшем к Италии сицилийском порту. Надо отметить предусмотрительность нашего героя, который, находясь еще в Риме, составил подробный план передвижения, дабы успеть охватить максимум населенных пунктов острова, где, по его сведениям, было наибольшее количество обиженных и ограбленных сицилийцев.

Вот план его передвижения (см. с. 58).

Уважаемый читатель, я специально так подробно изобразил маршрут передвижения Цицерона, чтобы у вас сложилось представление о масштабе проделанной работы Цицероном. И это всего лишь за пятьдесят дней при отсутствии асфальтированных дорог, передвигаясь на повозках и лошадях! *Вот здесь-то и пригодилась физическая подготовка Цицерона, начало которой было положено в Греции.*

...В это время Сицилией управлял Луций Цецилий Метелл, потомок славного патрицианского древнего римского рода. Но этот достойнейший муж, увы, как и большинство сенаторов в Риме, был куплен Верресом. В Лилибее и Сиракузах находились квесторы, также одаренные щедротами Верреса, и поэтому все они, как могли, задерживали процесс сбора документов и доказательств, буквально на каждом шагу запрещая все и вся, в том числе и встречи с жителями. При закономерном требовании Цицерона выдать хозяйственные книги, отчеты и документы наместники и их слуги делали удивленные лица, а затем... искали, искали, но... ничего не находили. Тем не менее, Цицерон как истинный воин, легионер, боец (какие угодно можно применить слова) не сдавался и искал, и искал, и искал: в дождь и в зной, без сна и отдыха, питаясь как попало и где придется. Находясь постоянно в пути и трясясь в повозке, он не сдавался и целеустремленно двигался к финишу. Цицерон объездил все горы и доли, вдоль и поперек пересек всю Сицилию, встречаясь даже с рядовыми землепашцами. Когда он видел, во что превратилась цветущая Сицилия, сердце его облилось кровью. Ему было стыдно за наместников из Рима. О бессмертные боги! Во что превратился этот цветущий край? Брошенные поля,

селения, разграбленные дома и храмы.... Складывалось впечатление, что по всей территории Сицилии прошла огромная армия варваров, как саранча, уничтожившая все на своем пути.

Как римскому магистру и обвинителю с преторским мандатом ему полагалось содержание за счет общин, а также казенная квартира. Но, понимая, насколько были ограблены общины, Цицерон от всего этого категорически отказался, не желая причинять и без того измученным людям лишних хлопот. Друзей на Сицилии у него было столько, что в каждом городе, в каждом селении люди наперебой предлагали ему свое жилье, распахивая гостеприимно перед ним двери своих домов. Каждый житель Сицилии с огромной радостью был готов помочь человеку, который так искренне, денно и нощно, не жалея своих сил и здоровья, боролся за их честь и права.

Для того чтобы у вас, уважаемый читатель, сложилась полная картина, как происходил сбор доказательств, каковы были настроения, чувства сицилийцев, позволю себе остановиться на некоторых подробностях этого героического путешествия величайшего трудоголика всех времен и народов Марка Туллия Цицерона.

Цицерон с Тираном прямо с корабля, чтобы не терять времени, отправились сразу объезжать Сицилию, не задержавшись даже на ночлег в Мессане. Одним из первых населенных пунктов путешествия Цицерона должен был стать небольшой городок Тиндарис. Уже наступила ночь, и крошечная тьма опустилась на землю, а усталые путники после длинной дороги и тяжелого морского путешествия только подъезжали к вышеозначенному селению....

– Хозяин, что это? Смотрите, — показал рукой Тиран на море огней, приближающихся к ним из темноты.

– Не знаю, Тиран. Сам в толк не возьму, — проговорил устало Цицерон.

Спустя некоторое время, когда они подъехали ближе, их взору открыласьдвигающаяся им навстречу большая колонна людей с горящими факелами в руках. Поравнявшись с повозкой, где находился Цицерон, вся эта толпа, упав на колени, начала голосить:

– Цицерон, накажи этого мерзавца, ограбившего все наши храмы и дома, разорившего наш прекрасный город. Защити нашу честь и достоинство!

Защитник соскочил с повозки и, подняв первого упавшего перед ним человека, произнес:

– Встаньте, встаньте, уважаемые жители Тиндариса, я не достоин того, чтобы вы передо мной падали на колени. Это я как официальное лицо, представляющее Рим, должен упасть перед вами на колени, вымаливая у вас прощение за то зло, которое причинил вам наш наместник Веррес.

– Цицерон, мы расскажем обо всех бесчинствах, грабежах Верреса и его приспешников, как бы нас ни запугивали местные квесторы, — добавил старший из них, видимо, глава местной общины. – Мы предлагаем тебе ночлег и еду, а завтра утром, когда ты отдохнешь, мы пришлем тебе наших граждан, которых наиболее сильно обобрал этот негодяй Веррес.

– Спасибо, спасибо, друзья, за заботу, но у меня очень мало времени. Ведите меня в дом. На сон нет времени. Я всю ночь готов работать. Если есть люди, которым есть что мне рассказать, пусть приходят. А я высплюсь и отдохну потом в дороге.

И всю ночь Цицерон опрашивал, а Тиран записывал показания свидетелей и ограбленных граждан Тиндерее. Забегая вперед, признаем, такой режим работы в эти пятьдесят дней для Цицерона и Тирана стал нормой и необходимостью, дабы успеть собрать ценную информацию за столь короткий временной промежуток.

Ранним утром, когда Юпитер только запряг своих коней, собираясь объезжать землю, Цицерон и Тиран, смертельно уставшие, но чрезвычайно довольные проделанной работой, покатали на повозке в следующий город, провожаемые благодарными жителями. Проезжая через главную площадь города, Цицерон увидел на постаменте скульптуру одиноко стоящей лошади. Он из любопытства, невзирая на усталость, слез с повозки и, приблизившись к статуе, спросил одного из жителей, провожающего их из города.

– Скажи, это памятник лошади? Это была какая-то выдающаяся лошадь?

– Что вы, уважаемый сенатор, это все, что осталось от памятника, — с улыбкой ответил житель.

– А что тут тогда было? – переспросил Цицерон.

– На ней сидел наш «благодетель» – наместник Сицилии Веррес. Но мы, как только он уехал из Сицилии, скинули эту ненавистную нам фигуру.

– Веррес установил себе статую? Что за тщеславный человек!

– Цицерон, это лишь капля в море. Он приказал за счет общин установить на всей территории Сицилии свои статуи, в каждом городе, даже в самом маленьком селении, – проговорил с горечью сицилиец.

– О бессмертные боги! Как такое возможно?! Какое непомерное тщеславие у этого Верреса! Вместо того, чтобы вымаливать прощение за злодеяния, он заставляет везде выставять свои никчемные статуи! – в сердцах произнес Цицерон и, попрощавшись с жителями, вновь сел в повозку, чтобы продолжить свой путь.

Надо отметить, что статуи Верреса были сброшены с пьедестала во многих городах, таких как: Тавромена, Тиндарида, Леонтина, Сиракузы, Центурипы. Но затем по приказу Метелла, претора Сицилии, были вновь восстановлены на пьедесталах. Метелл понимал, что сброшенные фигуры – доказательство ненависти местного населения к Верресу, и не хотел, чтобы у Цицерона были лишние улики в суде против Верреса. Но Цицерон не был бы Цицероном, если бы не раскопал какие-либо документы, подтверждающие официальное решение того или иного города на уничтожение ненавистных скульптур.

Например, в архиве города Центурипы он нашел документ, текст постановления, в котором вся община проголосовала за уничтожение ненавистной статуи Верреса. Этот документ тут же Тироном был подшит в дело. В небольшом городке Фермах его встретил Стений – один из достойнейших жителей этого славного города. Он рассказал свою горестную историю о том, как его до нитки обобрал Веррес. Но наместнику этого показалось мало, и спустя некоторое время беднягу обвинили еще и в подделке официальных бумаг, привлекли за это к суду и, естественно, впоследствии признали виновным. С горечью и со слезами на глазах Стений показал табличку Цицерону о его былых заслугах, хранящуюся у него дома. На ней была надпись: «Достойнейшему жителю города в благодарность за его дела на благо города». Табличка, конечно, по приказу Верреса была сорвана с почетного места в центре города после всех ему предъявленных обвинений. Цицерон ее также взял с собой в Рим в качестве доказательств.

По всей Сицилии, где бы ни проезжал Цицерон, его везде встречали статуи Верреса: в полный рост, на коне, без коня, одетого, раздетого. «О бессмертные боги! Что за мания величия у этого никчемного человека!», — возмущался про себя Цицерон.

В Лилибее, городе, который был когда-то его родной вотчиной в период квестуры, Цицерон провел встречу, собирая свидетельские показания у римского всадника Марка Цецилия, ограбленного Верресом. Потом были встречи и с жителем Лилибей Лисоном, в доме у которого Веррес жил и впоследствии у которого отнял статую Аполлона, и с Квинтом Лутацием Диодором, получившего от Суллы права римского гражданства, однако это обстоятельство не помогло Верресу отобрать у того огромный и великолепный стол из цитрусового дерева.

Без отдыха, сна и покоя Цицерон ездил и ездил из города в город, из деревни в деревню. Ему давали показания галесцы, катинцы, тиндарида, эннейцы, гербитанцы, агирийцы, нетинцы, сегетанцы.

Почти в конце своего путешествия, рано утром, похудевшие и осунувшиеся от бессонных ночей и огромной проделанной работы Цицерон вместе с Тироном, трясаясь в ненавистной уже им повозке, приближались к Сиракузам – городу, в котором Цицерон намеревался найти больше всего улик и доказательств вины Верреса.

Уже на подъезде к Сиракузам Цицерон, протерев красные от бессонных ночей глаза, потянулся и увидел, как из ворот Сиракуз вышла целая когорта горожан и направилась к ним. Когда повозка Цицерона приблизилась к жителям, от толпы отделились два человека и, склонившись в поклоне, стали ожидать, когда из повозки выйдет Цицерон.

– Приветствую вас, уважаемые жители Сиракуз. Как зовут вас, достойнейшие?

– Приветствуем и мы тебя, уважаемый Цицерон. Меня зовут Гераклий сын Гиерона, а это уважаемый Епикрит. Молим тебя о помощи в отмщении проклятому Верресу.

– Я для этого здесь и нахожусь, садитесь ко мне в повозку и давайте въедем в город, я думаю, там будет удобнее общаться, — предложил Цицерон.

Они сели в повозку и отправились в Сиракузы в сопровождении толпы горожан. Едва въехав в город, Цицерон увидел исполинскую арку высотой не менее двенадцати метров, наверху которой были установлены следующие фигуры: обнаженный молодой юноша, сын Верреса, стоящий около лошади, а на самой лошади восседал его величество Веррес. Увидев эту статую, Цицерон усмехнулся и произнес:

– Посмотрите, голый сын и отец на коне любят на голую и ограбленную ими провинцию. Действительно, гениально, — саркастически заметил Цицерон.

– Гераклий, где бы я ни проезжал, в какой бы город, селение не заходил, везде одно и то же: статуи богов, произведения искусств отобраны, вывезены, а вместо них поставлены его статуи. Здесь все точно так же?

– Да, Цицерон. Все именно так. Этот вымогатель, грабитель, насильник, видимо, хотел увековечить о себе память на века, — скорбно склонив голову, ответил тот.

Все время их сопровождали местные жители, моля о заступничестве: *«Нам запрещали тебя встречать, обещали бросить в сиракузские каменоломни, лишит кровя. Но мы настолько уже обокрадены и обокрадены, что ничего не боимся и хотим только одного, чтобы этот Веррес был наказан».*

Эти слова стали постоянными спутниками Цицерона на всем пути его следования.

В Сиракузах Цицерон разместился в доме одного из своих друзей и, едва умывшись и немного перекусив лепешек, начал опрашивать Гераклия.

– Вот моя история, — начал свой скорбный рассказ когда-то один из самых знатных, богатых и влиятельных граждан этого города. — От одного своего родственника я получил наследство в три миллиона сестерциев, а также дом, полный прекрасной резной серебряной посуды, искусных ковров и картин. По завещанию я должен был поставить в палестре³ несколько статуй, что я, конечно, и сделал, установив там статуи Аполлона, Артемиды и Геракла. Когда Веррес узнал о моем огромном наследстве, он решил прибрать его к рукам. Он договорился со служителями палестры, те отдали мои скульптуры Верресу, а мне предъявили постановление, что раз я не поставил статуи в палестру, то все наследство должно перейти к палестре. Когда я прибежал в палестру, то увидел, что статуй там уже не было и в помине. Против меня возбудили дело. Я потребовал, чтобы по Рупилиеву⁴ закону назначили судей по жребию, но... увы. Веррес сам выбрал пять судей по своему усмотрению. Не буду тебя долго утомлять, Цицерон. Понимая, что здесь справедливости искать бессмысленно и мне вынесут заочно приговор не в мою пользу, я бежал в Рим искать справедливости, но не нашел ее и там. Деньги на поездку закончились очень быстро, и мне пришлось вернуться обратно в Сицилию. Цицерон, у меня отобрали все: доброе имя, богатство, честь. Все! Теперь я просто нищий бедняк. Вот такова моя история...

Затем очередь наступила другого жителя — Епикрита.

– Цицерон, я из маленького городка Бидис. Моя история точь-в-точь совпадает с историей Гераклия, только сумма наследства была в пятьсот тысяч сестерциев. И так же палестра предъявила иск мне. Дело я проиграл. И так же, как Гераклий, я уехал в Рим искать справедливости и тоже вернулся ни с чем. Цицерон, будет нечестно сказать, что после назначения Луция

Метелла наместником Сицилии нас не восстановили в правах. Да, он частично отменил некоторые санкции против нас, но деньги не вернешь, страдания не забудешь и честь поруганную не восстановишь, – добавил Епикрит.

– К тому же недавно за несколько дней до твоего приезда к Метеллу явился некий Летий, бывший приспешник Верреса по Сицилии, где он выполнял функции по доставке писем от Верреса, и вручил Метеллу письмо от оногo. Сразу после этого письма Метелла как будто подменили. Он вдруг воспыал преданной любовью к деяниям Верреса и прекратил все процессы по восстановлению в правах честных граждан, ограбленных и невинно обвиненных в разных преступлениях. Я думаю, Веррес пообещал тому много денег, – добавил Гераклий.

– Друзья, – обняв каждого, проговорил Цицерон, – клянусь Геркулесом! Я добьюсь справедливости. Вы готовы поехать со мной в Рим и дать свидетельские показания?

– Да! Конечно! С радостью! – ответили в один голос и Гераклий, и Епикрит.

– Хорошо, после Сиракуз у меня на пути следования есть еще несколько городов, через несколько дней встречаемся в Мессане, откуда отплывем все вместе в Рим. Согласны?

– Согласны, — ответили те хором и, пожав на прощание руку Цицерону, покинули дом.

Поспав не более четырех часов, все-таки смертельная усталость брала свое и организму требовался отдых для восстановления, Цицерон вместе со своим верным помощником Тироном отправился в городскую контору откупщиков, чтобы внимательно изучить расходно-приходные хозяйственные книги, который вел описанный нами выше Карпинаций. Это был главный помощник Верреса буквально во всех его махинациях.

Когда Цицерон с Тироном вошли в какую-то тесную комнатку, заваленную разными документами, то увидели сидевшую за столом мерзкую, склизкую личность. Видимо, все-таки боги отмечают своей печатью никчемных людишек. Это был мужчина средних лет с бегающими, хитроватыми глазами, с пухлым одутловатым лицом и толстыми мерзкими губами. Волосы на голове были настоль редкими, что, казалось, их нет и вовсе.

– Ты Карпинаций? — грозно спросил того Цицерон.

Надо отметить, у него как у профессионального ритора эмоции на лице всегда получались убедительными.

– Я... – ответил тот заикающимся голосом и начал судорожно перебирать руками какой-то документ.

– Я, Марк Туллий Цицерон, государственный обвинитель по делу Гая Верреса, обращаюсь к тебе от имени высшего должностного лица Римской империи – немедленно предъяви мне книги товарищества обо всех операциях, производимых за период с семьдесят третьего по семьдесят первый год! — приказал Карпинацию Цицерон.

Тот вместо ответа и каких-либо действий вжался в стул, как будто хотел в нем раствориться.

– Ты не расслышал? — и Цицерон сделал знак Тирону.

Тот подошел к Карпинацию и поднял того сзади за отворот хламиды, как щенка.

– Сейчас... сейчас, – залебезил тот и начал искать книгу во всех ящиках своего стола.

– Если ты мне сейчас ее не найдешь, я посажу тебя в сиракузские каменоломни за уничтожение официальных документов, — еще более грозно произнес Цицерон.

Тот, услышав эту угрозу, начал рьяно и судорожно рыться в бумагах и документах, трясясь от страха. Спустя пару минут он протянул книгу, на которой, к удивлению, отсутствовала пыль, а ведь прошло почти два года после того, как ею должны были пользоваться. А тут чудеса! Блестит, как новенькая! Как будто ее только вчера открывали. «Интересно», – подумал про себя Цицерон.

Обвинитель выгнал из-за стола Карпинация, заставив того предварительно протереть пыль на столе и убрать все лишнее, затем устало сел на его место для внимательного изучения материала. Карпинаций забился в угол, и было отчетливо слышно, как стучат его гнилые

желтые зубы от страха. «Хороший знак, — подумал про себя Цицерон. — Значит, в этой книге что-то есть».

И обвинитель углубился в чтение. Книга пестрела следующими интересными записями: время от времени самые именитые и достойные граждане Сиракуз брали огромные суммы у откупщиков под бешеные проценты. Основанием такой необходимости была одна и та же причина – выплатить деньги Верресу.

– Интересно, интересно, – проговорил, усмехнувшись, Цицерон.

– Тирон, пойд и приведи-ка мне сюда Гераклия и тех людей, которые имеют отношение к судебным делам: мне нужна от них информация, —приказал Цицерон.

Тот поклонился и ушел выполнять распоряжение хозяина. А Марк тем временем продолжил изучение книги. «Зачем? Зачем им всем требовались такие огромные суммы да еще так срочно? Могли бы ведь занять у друзей, почему они кинулись к откупщикам?», — не понимая, размышлял Цицерон. Спустя пару часов в комнату вошли Тирон, Гераклий и клерк с судебной книгой.

– Гераклий, и ты, клерк, внимательно слушайте меня. Я сейчас выпишу имена граждан, бравших в займы, и поставил дату напротив имени. Смотрите в судебные записи, ищите их имена и дела, связанные с ними.

– Гераклит – пятнадцатого августа, – произнес Цицерон.

– Дело №345. Гераклит обвинялся в уклонении от уплаты налогов, – проговорил судебный клерк.

– Понятно, — усмехнулся Цицерон.

– Диодот – тридцатое сентября. Дело №384. Диодоту предъявлен иск от палестр с требованием передать им наследство, так как он не выполнил волю покойного.

Цицерон перечислял имена и даты, а клерк вместе с Гераклием называли уголовные, гражданские и административные дела. Через пару часов Цицерон, уставший, но довольный, произнес:

– Все стало ясно как божий день. Эта книга – ценное свидетельство о вымогательствах Верреса. Все вышеназванные граждане в момент займа находились под судом, и, видимо, деньги им были нужны, чтобы откупиться от несправедливого решения суда не в их пользу. Пусть попробует Веррес выкрутиться теперь.

– Подождите, подождите, а это еще что? – произнес Цицерон, обнаружив какую-то пометку на одной странице.

«Возможно, писец допустил ошибку, соскоблил несколько букв и вписал другие?», — подумал Цицерон. Запись была следующего содержания: выплачено сто тысяч сестерциев Гаю Верруцию. Цицерон продолжил листать дальше книгу, подумав, что может еще что-то подобное встретится, и точно, он не ошибся. В записях за следующий месяц опять контора выплатила некоему Гаю Верруцию кругленькую сумму. Таких записей набралось несколько десятков. И во всех было одно и то же: контора выплачивала деньги некоему Гаю Верруцию, и всегда после второго «р» шло затертое и исправленное место. Цицерон поднял глаза от книги и, внимательно посмотрев на Карпинация, спросил:

– Кто такой Гай Верруций?

Вид Карпинация был жалок. По лбу тек пот, лицо стало красное, как у только что сваренного рака. Он пытался что-то выдать из себя, но только заикался и блеял что-то невнятное.

– Карпинаций, именем государственного обвинителя привлекаю тебя к суду за мошенничество. Гераклий, отведи этого мошенника в тюрьму, пускай там сидит и ждет, пока ведется следствие по этому делу.

Взяв под руки поникшего и обмякшего Карпинация, они вывели его из конторы.

– Ну, Тирон, пойд и мы с тобой к нашему уважаемому наместнику Сицилии Луцию Метеллу и предъявим иск, – произнес усталый, но довольный Цицерон.

Метелл встретил без радости Цицерона, но, получив предъявленный иск, вынужден был назначить день суда и председательствовать на нем. Так как времени у Цицерона было крайне мало, то суд был назначен на другой день рано утром.

На главную площадь Сиракуз сбежалась чуть ли не вся Сицилия. Все жители очень любили и уважали Цицерона и хотели его поддержать, если потребуется.

На роstrу поднялся ритор. Перед жителями стоял тридцатилетний стройный, уверенный в себе и своей правоте римский сенатор, облаченный высшей властью – **империй**.

– Мои дорогие друзья! – начал свою речь Цицерон.

Он приложил свою руку к сердцу и низко поклонился.

– Больно мне от того, что не по радостному событию мы с вами здесь встретились, не счастливый повод собрал нас всех вместе, а горестные и печальные события правления Гая Верреса, — проникновенный голос Цицерона был печальным и тихим. – Мое сердце разрывается от горя и страдания! Мне стыдно! Стыдно за римского претора, управлявшего так Сицилией!

– Цицерон, мы тебя любим! – раздались крики горожан. – Защити нас и накажи этого мерзавца и негодяя!

При этих словах Метелл грозно посмотрел на кричавшую толпу, но решил не вмешиваться, понимая, что о его поведении и реакциях Цицерон обязательно доложит в сенате.

– Вчера я изучал книги одного вашего жителя Карпинация. Знаете такого? – спросил толпу Цицерон.

– Знаем, знаем. Проходимец и приспешник Верреса, — крикнули те.

– В этой книге я нашел интересную информацию о том, что граждане Сиракуз занимали деньги в определенные даты под бешеные проценты. Казалось бы, что необычного, спросите вы меня? Просто дело в том, что все заемщики в этот момент находились под следствием, обвиненные по разным делам. Как вы думаете, кто зарабатывал на их несчастье бешеные проценты и куда потом шли их деньги?

– Известно куда, – прокричала толпа, — Верресу!

– Все верно. Если вы меня спросите, куда уходили потом полученные Карпинацием деньги от граждан, то я отвечу. В расходно-приходной книге товарищества, которую вел Карпинаций, фигурирует странный, неизвестный человек, которому каждый месяц контора перечисляла кругленькие суммы денег. Его зовут Гай Верруций. Я не знаю, кто это. Может, это крупный делец? Кто-нибудь слышал о таком?

– Первый раз слышим, – завопили почти хором собравшиеся горожане.

– Причем странно еще то, что он появился на вашем острове внезапно в семьдесят третьем году и также внезапно исчез в семьдесят первом. Кто бы это мог быть? – снова спросил собравшихся Цицерон.

– Это сам Гай Веррес! – крикнул Гераклий, и его крик поддержали остальные.

– И я придерживаюсь такого же мнения, – подтвердил их слова Цицерон.

– Несчастные, занимая деньги в конторе у Карпинация под огромные проценты, чтобы откупиться от суда, даже не догадывались, что занимают у него же! — продолжил Цицерон.

– Судить Карпинация! Наказать Верреса! – послышались многочисленные голоса собравшихся.

– Я считаю, что Карпинаций виновен в мошенничестве и подделке книг. Требую его осудить и отразить все происходящее в отчетах. А также запротokolировать и зафиксировать в присутствии свидетелей, что Гай Верруций – это на самом деле Гай Веррес, — после этих слов Цицерон молча под аплодисменты и одобрительные крики толпы сел на свое место.

Метелл смотрел стеклянными глазами то на толпу, то на Цицерона, то на других судей и отчетливо понимал, что придется поступить честно. Иного пути нет. Иначе не сносить ему головы по приезду в Рим.

Суд признал правоту Цицерона. С книги тут же была снята точная копия, она была заверена печатями, запечатана и вручена Цицерону. А что было дальше с Карпинатиумом? Об этом история умалчивает, но я уверен, что его сделали козлом отпущения и посадили на длительный срок.

«Когда мы стремимся искать неведомое нам, то становимся лучше, мужественнее и деятельнее тех, кто полагает, будто неизвестное нельзя найти и незачем искать».

Платон.

Примечания

¹ Табуларий – государственный архив в Древнем Риме, в котором хранились народные постановления и другие государственные акты.

² 17 марта – Либералии в честь Либеры и Либеры, его супруги. В городах – торжественные жертвоприношения, театральные представления. На селе – веселые шествия, пляски, шутки и пирушки с обильными возлияниями. Приносились жертвы Церере

³ Палэстра – частная гимнастическая школа в Древней Греции, где занимались мальчики с 12 до 16 лет

⁴ Публий Рупилий – римский государственный деятель II века до н. э. установил различные правила для правительства провинции, которые были известны под названием имени «lex Rupilia» (Закон Рупилия)

Глава VII Смертельная опасность...

Люди более всего приближаются к богам именно тогда, когда даруют людям спасение.

М. Т. Цицерон.

В Сиракузах, помимо встреч с очевидцами и несправедливо обвиненными и ограбленными, оставалось одно не завершенное Цицероном дело – посещение знаменитой тюрьмы, так называемых Сиракузских каменоломней. История ее происхождения банально проста. Много столетий назад одна гора, находившаяся рядом со знаменитым греческим театром на окраине города, славилась своим превосходным камнем, который идеально подходил для строительства зданий и дворцов, чем и воспользовались предприимчивые правители Сиракуз. Тысячи и тысячи рабов денно и нощно, под дождем и палящим зноем добывали здесь камень для нужд города, в результате чего спустя время в горе образовались различного размера пустоши – пещеры. В VI веке до н. э. камень добывать прекратили, зато находчивые правители нашли другое ей применение: стали использовать каменоломни в качестве тюрьмы для преступников. Небольшие пустоши, образовавшиеся в результате добычи камня, стали идеальным местом для этих целей. На вход приделывали решетку, вешали замок, и одиночная камера была готова. Если размер пустоши был значительным, то она служила тюрьмой для нескольких заключенных. Местные правители сэкономили кучу денег, отказавшись от строительства отдельного здания для этих нужд. То, что в этой импровизированной тюрьме совсем не было света и тепла, наместников даже радовало. «Так это и хорошо, пусть заключенные в полной мере оценят наказание», – так рассуждали правители. Да вот беда... Всегда ли там отбывали срок только действительно виновные преступники? Далеко не факт. В результате люди умирали десятками и сотнями. Конечно, были и прецеденты, когда наиболее крепкие выживали даже и в этих условиях, но когда их выпускали по истечении срока, то, выйдя на солнечный свет, отвыкшие от него, бедняги практически сразу слепли...

Эта тюрьма в свое время была излюбленным местом ссылки для всех противников тирана Диониса ¹. Конечно, было еще одно обстоятельство, навевающее страшный, жуткий и мистический страх на обитателей этих каменоломней. Согласно историческим источникам после кровопролитной войны с афинянами в V веке до н. э., которые потерпели поражение от Сиракуз, семь тысяч афинян были живьем замурованы в стены этой тюрьмы. Благодаря природной акустике этих пещер даже просто перевернутая страница вызвала громкий звук, и поэтому неудивительно, что каждую ночь узникам этой тюрьмы мерещились стоны и проклятия душ заживо погребенных афинян, которые никак не могли обрести покой в этом бренном мире. Любое, даже очень тихо сказанное слово заключенными отдавалось гулким эхом, и со стороны невозможно было понять, то ли это заключенные переговариваются, то ли души умерших афинян перешептываются. Надо ли говорить о том, как боялись попасть в эти каменоломни все жители Сицилии? Теперь вам становится понятен животный страх, который обуял Карпинания при мысли о том, что он будет осужден и посажен именно в эту тюрьму.

Вот в эти страшные сиракузские каменоломни и держал путь рано утром Цицерон со своим верным помощником Тироном. Цель у Цицерона была простая: он намеревался проверить тюремные книги и обнаружить в них свободных граждан Рима, несправедливо обвиненных и посаженных в этот зловеющий ад.

Спустя пятнадцать минут после того, как они вышли из дома, немного запыхавшись от небольшого подъема в гору, они приблизились к каменоломням. С виду это была простая скала с большой расщелиной в виде дверей. На входе стояли два местных стража и, щурясь

от солнца, разглядывали непрошенных гостей. Цицерон поравнялся с ними, и Тирон важно про-изнес:

– Сенатор Марк Туллий Цицерон, государственный обвинитель по делу бывшего наместника Верреса, немедленно позовите управляющего тюрьмой.

Те недружелюбно мотнули головой в сторону входа и расступились. Цицерон с Тироном вошли внутрь и сразу увидели слева небольшую нишу, видимо, служившую таблинумом управляющему. Внутри за столом восседал грузный крупный мужчина с копной черных вьющихся волос, с зловещим и свирепым взглядом. По его многочисленным шрамам было видно, что это бывший воин или вольноотпущенник гладиатор.

– Кто вы такие и что привело вас сюда? – зловещим шепотом прошипел тот, грозно нахмутив брови и сделав вид, что не расслышал сказанные Тироном слова при входе. Несмотря на то, что все слова были произнесены шепотом, было такое ощущение, что он крикнул прямо в ухо.

– Я, Марк Туллий Цицерон, государственный обвинитель по делу Гая Верреса, приказываю вам немедленно предъявить мне тюремные книги.

И Цицерон тут же следом предъявил преторский мандат. В ответ управляющий злобно усмехнулся и проговорил:

– Все равно вы ничего не измените. Мир не меняется. Всегда во все времена неугодных граждан сажали, сажают и будут сажать.

– А мы попробуем это изменить, – твердо посмотрев тому в глаза, ответил Цицерон.

Получив книгу, он начал внимательно листать предоставленный ему материал. Вдруг Цицерону явственно послышались какие-то голоса, как будто кто-то стоял сзади и нашептывал ему прямо на ухо: «Кто? Кто? Кто это пришел? Может, за мной? И меня освободят? Не мечтай, мы здесь навечно». Цицерон удивленно поднял голову и посмотрел вокруг себя, не понимая, откуда ему слышатся голоса.

– Не обращайтесь внимания, это заключенные перешептываются. Просто здесь слышимость такая, – проговорил, усмехнувшись, хранитель тюрьмы.

– В этой книге я вижу много знатных людей, даже есть записи о римских всадниках. На каком основании они находятся здесь? – строго спросил Цицерон.

– А я почему знаю. Мое дело маленькое: мне привели человека, я его и разместил в «покоях», остальное меня не касается, – иронически ответил управляющий.

– Я хочу пойти и посмотреть на Сертория из всаднического сословия, – ткнув пальцем в тюремную запись, проговорил Цицерон.

– Вы уверены, что хотите этого? – усмехнувшись, переспросил тот. – Кстати, если вы завтракали, то я не рекомендую вам совершать эту прогулку.

– Идемте, – решительно приказал Цицерон.

Тирон предпочел остаться у входа. Управляющий взял зажженный факел, и они отправились в черную бездну. Именно в черную бездну. Едва они прошли несколько шагов, как в нос ударил резкий запах испражнений. Туалета, естественно, в камерах не было, и заключенные ходили, если так можно выразиться, под себя. Конечно, раз в неделю приходили специально нанятые люди и вычищали накопившиеся испражнения, но запах искоренить они были бессильны. Пахло также и гниющими человеческими телами. Заключенных больных никто не лечил, и они так и умирали постепенно от того или иного заболевания. Пока Цицерон с управляющим шли по этим катакомбам, справа и слева к решеткам камер бросались какие-то существа с длинными и грязными волосами, с безумными глазами и шептали, шептали: «Спасите, спасите, спасите меня. Выпустите, я не виновен». Цицерон вдруг почувствовал, как к горлу подступает комок, и его вот-вот вырвет, но сенатор взял себя в руки и все-таки дошел до ниши, где, видимо, находилась камера Сертория. Как только глаза привыкли к полутьме, взгляд Цицерона с трудом различил в узкой и низкой камере какое-то странное исто-

щенное существо в непонятной рваной одежде с длинными, грязными, спутанными волосами и такой же грязной бородой. «Оно» сидело на земле. Когда управляющий посветил в лицо этому существу, тот инстинктивно закрыл лицо от этого непривычно жуткого и яркого света.

– Серторий, встань и подойди к решетке. К тебе пришел сенатор Марк Туллий Цицерон, – проговорил хранитель и отошел в сторону, передав факел Цицерону.

– Серторий, я пришел сюда, чтобы помочь таким, как ты выбраться из этого ада. Расскажи, как ты сюда попал? – спросил того с содроганием Цицерон, увидев его ужасный облик.

– Очень просто, – ответил тот заплетающимся и слабым голосом. – У меня была жена-красавица, которая как-то на одном празднестве в честь города Сиракуз приглянулась Верресу. Он захотел ее, и на другой день напрямую предложил мне большую сумму денег, чтобы переспать с ней. Простите, у вас нет воды? А то трудно говорить, – умоляющим голосом попросил Серторий.

– Сейчас, сейчас. Управляющий, я видел у вас флягу на поясе, дайте мне ее, – приказал Цицерон.

– Я, конечно, ее дам, но я брезгую из нее пить после заключенного.

– Я покупаю ее у вас, – и Цицерон дал несколько ассов управляющему.

Тот взял их и, усмехнувшись, протянул флягу Цицерону. Сенатор передал живительную влагу через решетку. Узник жадно впился губами в горлышко и начал торопливо пить. Было видно, что даже воды заключенным не дают вдоволь. Когда бедняга утолил свою жажду, он протянул пустую флягу Цицерону и произнес:

– Благодарю Вас, сенатор. После того, как я ему в негодовании отказал, Веррес сфабриковал дело с помощью своего помощника Карпинация, и в результате меня посадили в каменоломни. Что стало с моей женой, я не знаю, но уверен, после этого она была изнасилована этим мерзавцем.

– О бессмертные боги! Юпитер! Почему ты до сих пор не испепелил своим праведным гневом этого негодяя и подлеца! Сколько еще преступлений должен совершить этот человечишка, чтобы ты это заметил? – и Цицерон поднял кулаки к небу, взывая к главному римскому божеству. – Серторий, я обещаю. Нет! Клянусь! Как только вернусь в Сиракузы, я попрошу наместника Метелла тебя немедленно освободить. Сколько ты здесь уже находишься?

– Я.... Я.... Не знаю. Я давно потерял счет времени, ведь здесь нет света. Но я помню, что меня посадили в семьдесят втором году. А какой сейчас год?

– Семидесятый год, – ответил с содроганием Цицерон.

– О боги!!! Какой ужас! Значит, я уже просидел более двух лет. Что там с моей любимой женой? Жива ли она, моя бедная, – и Серторий, закрыв лицо руками, беззвучно заплакал.

– Серторий, я пока тебя покидаю, но обещаю, что сделаю все, что в моих силах, чтобы тебя освободили, – вновь проговорил на прощание Цицерон.

Он быстро пошел с управляющим на выход. Его мутило. Как только Цицерон вышел на свежий воздух, его вырвало прямо недалеко от стражников, что вызвало у тех злорадный смех. Отдышавшись и придя в себя, Цицерон, поддерживаемый Тироном, вновь зашел к управляющему в нишу и произнес:

– На правах государственного обвинителя я на время изымаю тюремную книгу. После того, как будет сделана копия, вам ее вернут. Прощайте, – и Цицерон с Тироном спешно покинули это мрачное и ужасное место.

Как и обещал Цицерон, в городе они сняли копию и с посыльным отправили обратно тюремную книгу управляющему. Также Цицерон провел переговоры с Метеллом и, благодаря своему красноречию и обещанию не выставлять в слишком дурном свете в Риме действия наместника Сицилии, добился освобождения Сертория. Сделав напоследок это доброе дело, Цицерон и Тирон с чистой совестью покинули Сиракузы, направляясь к конечной цели своего путешествия Мессане, откуда они и намеривались отплыть обратно в Рим.

По пути они еще посетили Катану, Леонтины, Тавромений и, наконец, спустя несколько дней, поздно вечером прибыли в Мессану, откуда утром собирались отплыть в Рим.

Поздним вечером, разместившись у очередного своего друга на ночлег, Цицерон сидел в кресле и клевал носом, почти засыпая от смертельной усталости, перечитывая собранные за столь длительное путешествие материалы. Вдруг послышался стук в дверь. Спустя пару минут явился хозяин и, протянув письмо, произнес:

– Марк, тебе срочное письмо из Рима.

Сенатор судорожным движением быстро его вскрыл и начал читать: *«Мой дорогой брат, приветствую тебя. Если ты здоровствуешь, это хорошо. У тебя остались еще силы для борьбы? Или ты все отдал в поисках доказательств вины Верреса? Мужайся, у меня для тебя две новости. Первая: этот хитрец Гортензий придумал очередную уловку, чтобы затянуть дело. Пока ты находишься в командировке на Сицилии, сторонники Верреса, для того что бы затянуть дело, подали в тот же суд по процессам о вымогательствах жалобу в отношении бывшего наместника Ахейи, затребовав для себя срок для отыскания доказательств в сто восемь дней. И как ты понимаешь, мой дорогой брат, так как дело будет рассматриваться одним судом, то дело о наместнике Ахейи будет рассмотрено перед нашим делом. Вторая новость: надежные источники сообщили, что Веррес за большие деньги нанял пиратов, чтобы они захватили твое судно, как только ты выйдешь из порта Мессаны и отправишься водным путем в Рим. Мой тебе совет, брат, поверь, это очень-очень серьезно: доплыви только до порта Регий, это совсем маленькое расстояние по морю, а оттуда уже сушей до Рима. Торопиться уже нет причин. Я не хочу тебя оплакивать, да думаю и Теренция тоже. Кстати, слава богам, дома у тебя все хорошо. Теренция ждет, дочурка твоя подрастает и тоже ждет папу домой.*

Люблю, целую, твой брат Квинт».

– Хорошие новости? – спросил его друг из Мессины.

– Не очень, – покачал в ответ головой Цицерон. – Мое дело о Верресе переносится. Меня хотят убить. Только одно радует: с семьей все хорошо, – добавил глубоко опечаленный Цицерон.

Сейчас у него не было ни сил, ни желания кричать, метать, расстраиваться из-за того, что дело перенесено.

– Друг мой, я пойду спать. Будет день и будет пища, – и Цицерон, попрощавшись и поблагодарив за ночлег и ужин, ушел в свою комнату спать.

Цицерон проспал целых двенадцать часов. Проснувшись практически в обед, лежа в кровати, он задумался: «Теренция ведь меня предупреждала, что будут еще уловки и хитрости со стороны Верреса. Опять моя жена была права. И дело выиграть становится еще сложнее. Ну что ж, Цицерон, значит, когда победишь, еще больше будешь гордиться своим успехом. Что нас не убивает, делает нас сильнее. Не помню, кто это сказал? Надо будет почитать философов как-нибудь на досуге. Ладно, сейчас первоочередная задача – добраться живым и невредимым в Рим, а там будет видно», – решил, вставая с кровати, Цицерон.

Весь день к дому друга Цицерона стекались свидетели, желавшие поехать в Рим для дачи показаний. Их набралось не менее тридцати человек. Не приехали только Гераклий и Еврипид, приславшие письмо, в котором извинялись и говорили, что им под страхом смерти запретили покидать Сиракузы.

Уже ближе к вечеру, когда все пришли в порт для отплытия в Рим, Цицерон приказал арендовать небольшую яхту, чтобы переправить их на материковую Италию через Мессанский залив.

– Хозяин, мы не поплывем по морю напрямую? Так ведь быстрее, – спросил того удивленный Тирон.

– Нет. Если поплывем, то нас в открытом море ожидают пираты, у которых есть приказ захватить меня и убить, – ответил Цицерон.

– Хозяин, откуда такая информация?

– Вчера Квинт прислал письмо с предупреждением. Мы только переправимся на корабле через Мессанский залив, а оттуда из Регия отправимся сухопутным путем до Рима. Пусть это будет значительно медленнее, зато живыми останемся.

В тот же день Цицерон и его друзья погрузились на небольшое судно и отплыли от берега. Только земля скрылась из виду, как вдруг вдалеке показался странный корабль без опознавательных знаков, приближающийся со стороны Ионического моря. Он быстро двигался по направлению к судну Цицерона. И хотя кораблю сенатора было необходимо проплыть до материковой Италии всего несколько стадий, судя по тому, как шла пиратская бригантина (не было никаких сомнений, что это была именно она), становилось понятным и очевидным, что они буквально через пятнадцать минут будут захвачены в плен. Пиратское судно шло по ветру, благодаря чему быстро приближалось к суденышку Цицерона. Цицерон посмотрел на оцепеневших от ужаса матросов, своих друзей и понял: нужно срочно что-то предпринять. Он быстро вскочил на капитанский мостик и произнес свою, наверное, самую страстную и короткую речь.

– **Друзья! Нашей с вами свободной жизни осталось всего пятнадцать минут.** Кого-то убьют, а оставшихся в живых продадут в рабство, где они умрут от ужасных мучений и страданий. Если мы не хотим этого, то у нас есть только один способ спастись. Вставляйте весла в уключины! Нас здесь тридцать человек, и если мы приложим усилия, то успеем причалить к берегу раньше, чем нас захватит пиратский корабль. Да здравствует свобода! – и Цицерон, подавая пример, первым вставил весло в уключину.

Все пассажиры, вдохновленные речью Цицерона и жаждущие спасти свои жизни, быстро вставили весла в уключины и начали с остервенением грести, пытаясь уйти от преследования. Началась гонка не на жизнь, а на смерть. Несмотря на все их усилия, бригантина медленно, но верно приближалась, но также приближалась и суша со стороны материковой Италии – порт Регий. Когда расстояние между суднами сократилось до одного стадия, многие на судне Цицерона начали усердно молиться богам о спасении, в то же время продолжая остервенело работать веслами. Цицерон изо всех сил, как заправский гребец, синхронно работал веслами вместе со всеми и неистово кричал про себя: «Ни за что! Ни за что! Я не сдамся! Я не сдамся! Не победить меня какому-то Верресу! Мы успеем! Геркулес! Помоги! Защити всех нас!». Не знаю, то ли боги услышали их крики о помощи, то ли удача любит отважных и целеустремленных, но из порта Регия навстречу им вышло судно, увидев, как они пытаются уйти от пиратской погони. Осознав это, пиратская бригантина снизила скорость, а потом и вообще развернулась в противоположном направлении. Что тут началось на судне Цицерона! Все побросали весла, начали обниматься и целоваться, радуясь спасению. Потом все как один подбежали к Цицерону, подняли того на руки и начали качать, подкидывая вверх, и благодарить за чудесное избавление. А Цицерон, взлетая в воздух, смеялся и кричал: «Веррес! Веррес! Веррес! Я иду к тебе! Слава Геркулесу!».

Верьте в себя и никогда, никогда, никогда не сдавайтесь!!!

Примечания

¹ Дионисий Старший – сиракузский тиран в 405—367 гг. до н. э., прославившийся своей бесчеловечной жестокостью.

Глава VIII. Дело Вереса. Иногда молчание – самый ценный инструмент публичного выступления...

Говорить умолчанием. Кому это выгодно?
М. Т. Цицерон.

Цицерон, трясаясь в повозке вместе с сопровождающей его кавалькадой многочисленных свидетелей, не спеша, наслаждаясь весенними видами Италии в то прекрасное время, когда поля, деревья и травы зеленеют и просыпаются от легкой средиземноморской зимы, уверенно и неуклонно приближался к Риму. «Ничего нет прекраснее возделанного поля...», – любуясь сельскими видами, подумал про себя сенатор...

Спустя несколько дней под утро уже на подъезде к Риму Цицерон уловил непередаваемый запах Рима, запах его любимой родины. Воздух благоухал ароматами свежееиспеченного хлеба, какими-то восточными пряностями и испарениями от Тибра. Этот запах вечного города ни с каким другим Цицерон никогда бы не спутал. «Как прекрасен дым Отечества...», – потянувшись, подумал про себя Цицерон.

Весь город, словно задремавший великан, нежно спал, укутанный одеялом белой мглы. ... Въехав в Рим через Апиевы ворота, Цицерон оставил в одной большой придорожной таверне всех прибывших с ним свидетелей и строго-настрого запретил тем без нужды выходить на улицу. Он, пообещав, что завтра явится к ним и расскажет о дальнейших действиях, направился в сторону своего родного дома. Стояло раннее майское утро, все домашние еще спали. Цицерон тихонько постучал в дверь. Вышел заспанный привратник и, увидев возвратившегося хозяина, радостно отворил ворота и бросился помогать разгружать вещи. Тем временем Цицерон первым делом тихонечко вошел в детскую. Увидев спящую Тулиолю, нежно поцеловал дочурку в лобик и, смахнув слезу, также неслышно вышел из комнаты. Сенатор, осторожно ступая по лестнице, проследовал в спальню к своей милой Теренции. Молодая женщина спала, разметавшись по большой кровати. Ее красивая и обнаженная стройная ножка была наполовину высунута из-под одеяла, разметавшиеся белоснежные волосы причудливым каскадом рассыпались по подушке. У Цицерона перехватило дыхание от волнения и радости, ему страстно захотелось обнять красавицу-жену и прижать к своей груди, несмотря на усталость после длительного путешествия. Он наклонился и нежно поцеловал жену в ее маленькую ступню. Молодая женщина непроизвольно отдернула ножку и сразу проснулась. Увидев мужа, Теренция радостно вскрикнула и, протянув навстречу любимому руки, увлекла его к себе в постель....

...Завтракать они вышли уже ближе к вечеру, усталые после любовных утех. Спускаясь со второго этажа и держа свою любимую за руку, Цицерон был безмерно счастлив. «Как странно устроен человек, – размышлял Марк. – Еще несколько дней назад я был жутко расстроен тем, что слушание по делу Верреса будет перенесено на более поздний срок, а теперь я уже привык к этой мысли. Видимо, мы не можем долго грустить, как впрочем и радоваться. Все проходит...». И, откинув свои философские размышления, Цицерон решил в этот день просто отдохнуть и насладиться общением со своими близкими и родными. Ведь он, как никто другой, это право заслужил...

На другой день, третьего мая, Цицерон в положенный срок явился к претору Манию Глабриону, чтобы доложить о том, что подготовил и собрал все необходимые доказательства для слушания дела. Обвинителя провели в таблинум к претору. Когда Цицерон зашел внутрь, то увидел удрученного и печального претора, сидевшего в своем дубовом кресле и нервно теребящего огромный золотой перстень.

– Марк, присаживайся. Как дорога? Уже повидал семью и успел отдохнуть? Как продвигается сбор доказательств? – пытаюсь быть гостеприимным и приветливым, начал расспрашивать Цицерона.

– Спасибо, Маний, все хорошо, не считая того, что добираться в основном пришлось сухопутным путем, через Регий, так как на море нас чуть не захватили в плен пираты. А что касается доказательств по делу Верреса, я их собрал и готов к слушаниям, – ответил Цицерон.

– Понятно. Понятно... Марк, тебе, наверное, уже донесли, что у нас в суде появилось новое дело против взяточничества наместника Ахейи, и так как обвинителем было запрошено сто восемь дней для сбора доказательств, то оно будет рассматриваться первым, а твое против Верреса – вторым. Слушание же дела о Верресе я назначаю на пятое августа.

– Да, я уже все это знаю. Маний, ведь вы честный человек и понимаете, что это все уловки Верреса, чтобы оттянуть дело. К тому же, как мы с вами знаем, шестнадцатого августа будет триумф Гнея Помпея в честь его побед над Митридатом, и эти праздники продлятся две недели, а потом Римские игры, иды, посвященные Юпитеру, праздник Цереры, плебейские игры и т. д. Как вы думаете, останется интерес к делу с такими перерывами? Ведь мы с вами знаем, что во время всех игр судебные разбирательства прекращаются и переносятся на более поздний срок.

– Марк, конечно, я все это понимаю. Клянусь Юпитером! Я на твоей стороне, но я как претор и городской глава не мог отказать и не взять дело о наместнике Ахейи на рассмотрение, это же моя прямая обязанность. Я понимаю, что делает Веррес. Но так сложилось. Возможно, такова воля богов. Здесь я бессилен, – и претор искренне и печально покачал головой.

– Понимаю вас, Маний. Но что тогда мне сейчас делать со всеми свидетелями, которых я выдернул из их жизни прямо из Сицилии? Когда я ехал в Рим, у меня все-таки, честно говоря, была слабая надежда, что я смогу вас убедить провести слушание дела Верреса первым. А теперь бедолагам здесь три месяца куковать?

– Выбор за тобой, Марк. Хочешь, оставь их в Риме или отправь домой, а потом вызови вновь. Тебе решать, – ответил претор, разведя руками.

– Хорошо. Я решу сам. Маний, я уверен, что выиграю это дело и в кратчайшие сроки. Вот увидите. Правда нам моей стороне и на стороне ограбленных сицилийцев, – и Цицерон, глубоко уверенный в своей победе, с гордо поднятой головой покинул здание Базилики Эмилия.

Сразу после визита к претору он отправился к своим свидетелям и рассказал о переносе дела, предложив тем на выбор или остаться в Риме и ждать суда, или пока отправиться домой. Часть сицилийцев уехала домой, это были те, у кого еще остались собственные дома и семьи. Те, кому ехать практически было некуда, так как все у них было отнято, остались в Риме дожидаться суда, а Цицерон, в свою очередь, пообещал им помочь с деньгами на жилье и пропитание.

Вечером Цицерон пригласил в свой дом друзей и родственников, решив совместить полезное с приятным: отметить свое возвращение, ну и, конечно, разработать стратегию выступления по делу Верреса с целью уложиться в одну сессию и закончить дело в течение десяти дней. Когда все собрались за семейным ужином и выпили пару чаш вина за приезд Цицерона, хозяин дома взял слово:

– Друзья, как вы знаете, дело Гая Верреса перенесено на пятое августа и, по сути, у нас остается десять дней до триумфа Помпея, чтобы закончить суд в одну сессию. Это практически невозможно. Как вы знаете, алгоритм проведения судебного заседания происходит следующим образом:

1. сначала должен буду говорить я как обвинитель;
2. затем защитник Гортензий;
3. второй обвинитель и второй защитник;
4. выступают свидетели обвинения и защиты, и ведется перекрестный допрос.

После перерыва в несколько дней начинается вторая сессия в таком же порядке.

Как я успею? Одна моя вступительная речь, я уверен, будет на два дня, – сокрушенно произнес Цицерон, разведя руки в стороны.

– Брат, давай расставим приоритеты. Что для тебя важнее: произнести длинную блестящую речь или выиграть дело? – спросил того Квинт.

– Брат, для меня важно все, – ответил Цицерон.

– Милый, так не бывает, – нежно обняв мужа, проговорила Теренция. – Мы все знаем, как ты умеешь блестяще говорить речи. Да что мы! Все граждане Рима это знают! Тебе нужно самое главное – победить!

– Теренция права, – поддержал его жену друг Аттик, который дожидался приезда Цицерона перед отъездом в Грецию.

– А что думает по этому поводу мой верный помощник Тирон? – спросил Цицерон.

– Хозяин, спасибо, что вы интересуетесь моим мнением. Я согласен со всеми присутствующими. Нужна короткая речь. Конкретные обвинения – и тут же вызов свидетелей. А я со своей стороны обещаю, что написанную вами речь мы обязательно издадим на память потомкам, – добавил Тирон.

– Да... Вынужден с вами согласиться... Похоже Веррес и его приспешники не оставили мне выбор. Видимо, блистать своим ораторским мастерством придется мне в других делах, – печально признал Цицерон. – Хорошо. Пусть будет короткая речь, но, так как у меня будет целых три месяца, подготовлюсь основательно и напишу обвинение по всем пунктам, как будто бы мне пришлось выступать перед судом.

На том собравшиеся родственники и друзья и порешили. Завертелось. Цицерон скрупулезно, как он всегда любил это делать, начал подготовку к выступлению в суде. Весь свой материал он разделил на пять частей:

№ Части	Название	Описание	Цель
I	De praetura urbana О городской претуре Верреса.	Дается подробная картина претуры Верреса в Риме в 74 г. и составляется его психологический портрет.	Описать яркий и отталкивающий портрет Верреса для судей как потенциального вора и негодяя еще до Сицилии.
II	De iudiciis О судебном деле или Сицилийском наместничестве.	Рассказывает о произвольном и продажном правосудии Верреса в Сицилии.	Предоставить неопровержимые доказательства нарушения Римских законов и законодательства.
III	De frumento («О хлебе»).	Рассказывает о вымогательствах Верреса при взимании хлебной десятины, покупного хлеба и замене хлебной повинности денежной.	Предоставить неопровержимые доказательства мошенничества Верреса при стремлении к наживе.
IV	De signis («О предметах искусства»)	Повествует о незаконном присвоении Верресом предметов искусства у отдельных граждан и у целых городов.	Показать всю чудовищность и алчность Верреса при ограблении даже священных храмов богов.
V	De suppliciis («О казнях»)	Рассматривает действия Верреса как полководца в Сицилии во время союзнической войны и войны с пиратами. А также его лютые казни мирных граждан Сицилии.	В последней части показать всю мерзкую сущность человека и наместника по имени Веррес.

Во всех этих частях Цицерон очень подробно и мотивированно излагает обвинения против Верреса. На протяжении всех трех месяцев Цицерона поддерживала его верная жена и брат Квинт, а его бесценный верный помощник Тирон записывал и готовил все речи, оказывая неоценимую помощь своему хозяину.

Что еще важного произошло в Риме за это время? Цицерон, несмотря на активное противодействие Верреса, на шестьдесят девятый год был выбран курульным эдилом, таким образом поднявшись на следующую ступеньку политической лестницы. Огромную поддержку и помощь ему в этом оказал его брат Квинт, который и подготовил всю предвыборную кампанию, пока Цицерон все основное свое время уделял подготовке к суду. За летний период также были выбраны новые консулы на следующий шестьдесят девятый год, ими стали: Квинт Метелл Критский, друг Верреса, и Квинт Гортензий Гортал, его защитник. А Марк Метелл, родной брат Квинта, был назначен претором. Более того, как только Гортензий выиграл консульские выборы, он при многолюдном стечении народа на форуме подошел и, обняв Верреса, проговорил:

– Веррес, все! Тебе больше нечего бояться. Мы затянем дело до слушания в шестьдесят девятом году, а там ты будешь оправдан.

Когда эту информацию донесли до Цицерона, он улыбнулся и проговорил сам себе: «Цицерон, все буквально против тебя. Но это только еще больше подстегивает мое желание победить. Посмотрим, еще посмотрим, кто выиграет это дело».

...Слушание дела началось пятого августа семидесятого года. Рано утром Цицерон поцеловал свою дочурку, жену и проговорил:

– Хороший знак, что слушание начинается в день рождения нашей дочери, Теренция. Боги благоволят к нам!

– Марк, я уверена в твоей победе. Я счастлива и горжусь тем, что я твоя жена, – проговорила та и нежно поцеловала мужа. – Иди, Марк, и возвращайся с победой!

И Цицерон, окруженный всеми своими родственниками, друзьями, многочисленными клиентами и свидетелями из Сицилии, отправился на форум, где и должна была состояться первая сессия судебного заседания под председательством претора Мания Глабриона.

Первым, согласно установленному порядку, должен был начать слушание дела государственный обвинитель. Марк Туллий Цицерон поднялся на ростру. День обещал быть жарким в прямом и переносном смысле. Марк оглядел всех присутствующих, увидел довольного Верреса в окружении братьев Метеллов и защитника Гортензия. Заметив взгляд Цицерона, обращенный на него, Веррес вновь показал ему кукиш и язык. «О бессмертные боги! Ничего не меняется в этом никчемном человечешке», – подумал про себя Цицерон и, **сделав небольшую паузу, начал обвинительную речь...**

– Квириты! Что может быть хуже и страшнее, чем подорванная честь римского правосудия? (*риторический вопрос*) Спустя десять лет с того времени, как суды были переданы во власть сената, у римского народа сложилось мнение, что богатый и влиятельный человек может избежать наказания, подкупив судей и саму основу римского права.

О бессмертные боги! Как мы пришли к этому? Уважаемые председатель суда, Маний Глабрион, Квинт Манлий, Квинт Корнифиций, Публий Сульпиций, Марк Креперей, Луций Кассий, Гней Тремеллий, вам даровано право разрушить это мнение. Сами боги выбрали вас, когда вы метали жребий после того, как я попросил отвод других судей, подкупленных Верресом. Никогда еще не было столь достойного и честного состава судей, я благодарю богов, что именно вы будете рассматривать преступления Гая Верреса (*комплимент*). Я взялся за это дело вопреки своему нраву и принципам. Я всегда стремился защищать людей, а в этом деле я выступаю обвинителем. Но обвинитель ли я или защитник? Я твердо убежден: я – защитник всех обманутых, ограбленных и убитых. Поэтому я как патриот своей страны не мог пройти мимо этих чудовищных преступлений.

Кто же такой этот Гай Веррес? Может кристально честный человек? Как вы считаете, уважаемые судьи? (*риторический вопрос*) – и Цицерон пристально посмотрел поочередно каждому в глаза.

Все как один отвели взгляд в сторону.

– Тяга к грабёжам, насилию, воровству и вымогательствам, можно сказать, у него в крови, – продолжил Цицерон. – Гай Веррес в одном лице – расхититель казны, угнетатель Азии и Памфилии, грабитель под видом городского претора, бич и губитель провинции Сицилии.

– Знаете, о чем он говорил на Сицилии? – вновь обратился к судьям Цицерон. – О бессмертные боги! Вот дословно его слова: «У меня в Риме есть покровитель, который меня всегда защитит и прикроет». Более того, он утверждал, что если своровать столько, чтобы хватило одному, то могут посадить, а если награть столько, чтобы хватило многим, то страшиться нечего. А как Вы считаете, уважаемые сицилийцы? (*риторический вопрос*)

Послышался гул и шквал негодования островитян, собравшихся на форуме.

– Сицилия первая обратилась к Риму за покровительством и дружбой. Она первой была названа провинцией. Скажите мне, кто всегда вовремя поставлял хлеб в Рим? Кто помогал нашему флоту провизией и предоставлением удобных гаваней во время завоевания и подчинения Карфагена? Почему наш великий полководец Сципион Африканский оставил столько статуй, предметов искусств и других богатств на Сицилии после подчинения Карфагена? А я

ответу вам. В благодарность за помощь и поддержку! Жители Сицилии всегда были хорошими тружениками, добрыми и порядочными людьми. А их преданность Риму не знала границ. И вот эту провинцию, эту цветущую Сицилию просто уничтожил, ... нет, ... растоптал этот Гай Веррес! Смотрите, он все еще сидит и улыбается, уверенный в своей безнаказанности, – и Цицерон пальцем показал на Верреса всем присутствующим.

– Будешь ли ты так улыбаться, когда я начну вызывать свидетелей, которые тебя обличат во всех твоих злодеяниях? – гневно спросил того Цицерон. – Ты пытался меня подкупить на следующий день после дивинации, но у тебя ничего не вышло. Ты хотел меня убить и даже нанял пиратов, когда я должен был вернуться из Сицилии в Рим. И опять у тебя ничего не вышло. Ты подкупил судей, и мне пришлось поменять состав. Ты затягивал дело как мог, придумав дело с Ахейским наместником. Но все твои усилия были тщетны и с грохотом провалились.

Цицерон подошел вплотную к жирному Верресу и, встав в опасной близости от того, посмотрел ему в глаза. У обвиняемого заиграли желваки на скулах, глаза гневно сверкнули. Казалось, еще мгновение, и он набросится на Цицерона с кулаками. Осознав это, толпа замерла в ужасе, ожидая драки.

Увидев это желание Верреса, Цицерон произнес:

– Может, ты ударишь меня сейчас в присутствии стольких уважаемых людей? Меня! Государственного обвинителя! Сенатора, только что избранного эдила! Что? Нет? Так ты еще и трус? – и Цицерон демонстративно повернулся спиной к пылающему от бешенства Верресу.

Тот пришел в неопишемую ярость и впился руками в «посиневшую от боли» скамью, чтобы сдержать свой гнев.

– Я волнуюсь, я страшусь. И не только потому, что здесь, на форуме Рима, в сердце нашего великого города, собралось такое большое количество римского народа, но и потому, что боюсь не оправдать надежд сицилийцев, которые, помня мою кристальную честность и порядочность в бытность квестором, со слезами и мольбами обратились ко мне с мольбой о защите! Я боюсь самого главного, уважаемые судьи, что если вы оправдаете этого человека, то сословие сенаторов навсегда покроет себя позором в глазах всего римского народа.

– Я долго размышлял, сделать ли мне длинную блестящую речь и снискать лавры слушателей или добиться справедливого наказания для преступника. Клянусь Геркулесом! Выбор очевиден. Я так считаю. Я в это верю. Должно свершиться правосудие, а не речь ради речи, поэтому, Гортензий, – обратился к тому, усмехаясь, Цицерон, – если ты рассчитывал на мою длинную речь, а потом на перерыв из-за игр Помпея, то я тебя разочарую. Этого не будет. Сегодня секстильские ноны, и у меня есть всего десять дней, чтобы доказать виновность Гая Верреса. А потому речь моя будет коротка. За меня будут говорить свидетели и несправедливо ограбленные жители Сицилии.

Для вас, уважаемый читатель, небольшая выдержка из той блистательной речи. Когда это было? Всего каких-то две тысячи лет назад. ...

...«Ты, Маний Глабрион, авторитетом своим, мудростью и бдительностью можешь предотвратить. Возьми на себя защиту правосудия, защиту строгости, неподкупности, честности, верности долгу; возьми на себя защиту сената, чтобы он, заслужив одобрение в этом судебном деле, стяжал похвалы и благосклонность римского народа. Подумай, какое место ты занимаешь, что должен ты дать римскому народу, чем обязан ты предкам; вспомни о внесенном твоим отцом Ацилиевом законе, на основании которого римский народ в делах о вымогательстве выносил безупречные приговоры при посредстве строжайших судей. Перед твоими глазами примеры великих государственных людей, не позволяющие тебе забывать о славе твоего рода, днем и ночью напоминающие тебе, что у тебя были храбрейший отец, мудрейший дед, сильный духом тесть. Поэтому если ты, унаследовав силу и мужество своего отца Глабриона, будешь давать отпор наглейшим людям; если ты с преду-

смотрительностью своего деда Сцеволы сумеешь предотвратить козни, направленные против твоего доброго имени и против этих судей; если ты с непоколебимостью своего тестя Скавра будешь противиться всем попыткам заставить тебя вынести несправедливый, необдуманный и необоснованный приговор, **то римский народ поймет**, что, когда претор неподкупен и безукоризненно честен, когда совет судей состоит из достойных людей, **богатства виновного подсудимого скорее усилили подозрение в его преступности, чем способствовали его оправданию.**

...теперь я буду обвинять Верреса на основании записей, свидетельских показаний, письменных доказательств, полученных мной от частных лиц и городских общин и их официальных заявлений... **В этом судебном деле вы вынесете приговор обвиняемому, а римский народ – вам.** На примере этого человека будет установлено, может ли – если судьями являются сенаторы – быть осужден человек явно преступный и притом очень богатый.

Итак, вот в какой форме обвинение предъявляется при первом слушании дела: я утверждаю, что Гай Веррес в своей разнузданности и жестокости совершил много преступлений по отношению к римским гражданам и союзникам, много нечестивых поступков по отношению к богам и людям и, кроме того, противозаконно стяжал в Сицилии сорок миллионов сестерциев. Я докажу вам это с полной ясностью на основании свидетельских показаний, на основании книг частных лиц и официальных отчетов, и вы должны будете сами признать, что – даже если бы в моем распоряжении и было достаточно времени и свободных дней, чтобы говорить, не ограничивая себя, – в длинной речи все же никакой надобности не было. Я закончил»¹.

После короткой речи, как и обещал обвинитель, началось обличение всех преступлений Верреса.

Свидетели шли нескончаемой чередой: Гераклий из Сиракуз, Еврипид из Бисид, Сосипп, Филократ, Сопатр, Стений из Форм. Когда вышел давать показания Стений, этот высоко нравственный человек и зажиточный гражданин Ферм, а теперь, благодаря Верресу, несчастный и ограбленный бедняк, Цицерон предъявил суду табличку почетного гражданина города, а также доказательства грабежа и сфабрикованного обвинения в подлоге официальных бумаг. Выходили различные дельцы и откупщики, главы местных общин, оценщики и ростовщики, члены всаднического сословия. Все они дали свидетельские показания против злодеяний Верреса. Вымогательство, взятки, продажа должностей, игра на махинациях с хлебом, открытые грабежи храмов, уклонение от налогов и таможенных сборов, судебный произвол, пособничество пиратам, придумывание новых налогов и пошлин – вот далеко не полный список всех обвинений против Гая Верреса. На второй день вышел давать свидетельские показания Серторий. Это был сюрприз для Верреса. Изможденный и измученный после двухлетнего заточения в сиракузских каменоломнях даже после небольшого отдыха, он выглядел ужасно. Все присутствующие содрогнулись от страшного шока, видя перед собой, по сути, калеку. Выждав несколько секунд после произведенного впечатления от жуткого внешнего вида Сертория, Цицерон вновь поднялся на роstrу.

– Перед вами гражданин Рима. Когда-то почетный горожанин Сиракуз. Человек второго по значимости в Риме сословия всадников. Знаете, за что он был посажен в каменоломни?

На форуме повисла жуткая тишина. Все римляне с жалостью и содроганием смотрели на этого старика, полуслеплого, с изувеченными руками, едва стоящего на слабых трясущихся ногах, которому на самом деле было не более тридцати лет.

– А я вам отвечу. Верресу, этому жирному борову, приглянулась всего-навсего его жена. И он захотел ее, похотливый и мерзкий боров. Что сделал Веррес? Как всегда, просто решил купить. Он же всех людей мерил по себе, считая, что все продается и покупается. Он вызвал мужа к себе и предложил тому денег за ночь с его женой. Но муж с гневом отказался как человек, любящий свою жену. Что было дальше? Сертория просто кинули в сиракузские каме-

ноломни, тюрьму, которая стала местом жительства римских граждан. Но, слава Геркулесу, во время моего сбора доказательств злодеяний этого Верреса я посетил эту тюрьму. Там я и застал Сертория. Его мне спасти удалось... А вот Публия Гавия из муниципия Консы, увы, нет...

– Как?! Как?! Как мне выразить свою душевную боль и скорбь? Скорбь от этой нечеловеческой расправы над гражданином Рима. Уважаемые судьи, у меня уже не осталось сил для того, чтобы быть красноречивым. Да, я думаю, оно и не потребуется. Я просто приведу факты, подтвержденные очевидцами, которые знали Публия Гавия и видели эту смерть. Этот несчастный был брошен в сиракузские каменоломни за придуманные преступления Верресом. Но, благодаря воле богов, ему удалось бежать. И он прибыл в Мессану, чтобы оттуда отплыть в Регину. Ему уже виделись стены города. Города, в котором не было разнузданной и жуткой власти Гая Верреса. На его беду или неосмотрительность он начал жаловаться в Мессане на Верреса и говорить о том, что в Риме желает с ним разобраться. Его слышали преданные слуги Верреса. Как вы уже знаете из дела, Мессана – единственный верный оплот Верреса, довольный его злодеяниями. И нашего несчастного привели к мамертинскому должностному лицу. Случайно в этот день приехал в город и Веррес. Когда ему доложили о Гавии, он пришел в ярость и бешенство. Он начал бегать по комнате, должностное лицо вжалось в свое кресло, ожидая, что достанется и ему.

– Немедленно приведите Гавия на форум! – приказал Веррес и сам тотчас же отправился туда.

На главной площади Сиракуз уже начала собираться толпа зевак и горожан, ожидая очередного надругательства и представления. Привели Гавия. Веррес посмотрел на того своими маленькими свиными глазками и вдруг громко и пронзительно крикнул:

– Раздеть его! Привязать к столбу и высечь розгами!

– Я гражданин Рима! – выкрикнул несчастный. – У вас нет права меня сечь!

– Но разве Верреса это могло остановить?

«О сладкое имя свободы! О великое право нашего государства! О Порцийев закон, о Семпрониевы законы! О возделенная власть народных трибунов, наконец возвращенная римскому плебсу! Так ли низко пали все эти установления, что римского гражданина в провинции римского народа, в союзном городе могли на форуме связать и подвергнуть порке розгами по приказанию человека, получившего связки и секиры в знак милости римского народа? Как?...»²

Ликторы сняли с несчастного одежды и начали пороть на глазах у всех жителей. Кровь текла по спине Гавия, лоскуты кожи смешались с мясом. Но ни одного стопа и даже вздоха не слышали его мучители. Публий в ответ только повторял: «Я гражданин Рима. Я гражданин Рима». Окружающие начали плакать и кричать Верресу, чтобы он помиловал несчастного. Но куда там! Борова понесло!

– Вы думаете, на этом ненасытный злодей остановился?! – голос Цицерона почти перешел на крик. – Нет же! Он приказал воздвигнуть крест и приколотить туда за руки и ноги несчастного Гавия, бедного Гавия! Истерзанного, искалеченного и истекающего кровью, но еще живого прибили под плач и мольбы о помиловании всех собравшихся горожан гвоздями к этому столбу. А он только повторял и повторял: «Я гражданин Рима. Я гражданин Рима.»... Спустя несколько часов после жутких мучений смерть забрала его...

На форуме застыла тишина... Никого не оставила равнодушным эта страшная трагедия... Никого.... Все присутствующие были просто убиты, потрясены и шокированы страшным преступлением Верреса.

– Уважаемые очевидцы этого преступления сейчас находятся здесь: Гай Нумиторий, Марк и Публий Коттии, очень известные люди из округа Тавромения, Квинт Луций. Они подтвердят все сказанное мной под присягой! – продолжил Цицерон.

– Веррес!!! Веррес!!! Кто ты такой?! Может, Зевс Громовержец?! Облаченный особыми полномочиями диктатор Рима?! По какому праву ты совершил это злодеяние?! *«Когда разводили огонь и готовили раскаленное железо и другие орудия пытки, тебя не заставили опомниться если не отчаянные мольбы и страдальческие возгласы твоей жертвы, то хотя бы плач и горестные сетования римских граждан? И ты осмелился распять человека, называвшего себя римским гражданином?»*³

Только сейчас Верресу стало страшно. Весь вид его стал жалок. Сошла спесь, и прошла уверенность в безнаказанности. Веррес начал искать взглядом Гортензия, своего адвоката, но тот отводил взгляд, стараясь не смотреть на своего подзащитного.

– Веррес! Да за твои злодеяния даже казни в мешке для тебя было бы недостаточно! Это была бы слишком малая кара за твои невообразимо чудовищные деяния, – Цицерон гневно смотрел на Верреса, дыхание его было шумным, кулаки нервно сжимались.

Было видно, что он искренне возмущен всеми преступлениями, совершенными Верресом. Затем, повернувшись к Гортензию и глядя тому прямо в глаза, Цицерон произнес:

*«Прежних ораторов, Крассов и Антониев, хвалили за то, что они умели... красноречиво защищать обвиняемых. Но они имели преимущества перед нынешними ораторами не только в умственном отношении, им благоприятствовали сами обстоятельства. В то время никто не был так преступен... Но что теперь делать его защитнику Гортензию?.. Как поступили бы в отношении этого человека все Крассы и Антонины? Одно, я думаю, могли они сделать, Гортензий: отказаться от защиты и не мараить своей чистой репутации грязью другого...»*⁴.

Да... Талантливый человек талантлив во всем. Во всем, к чему прикасается. Именно таким и был Марк Туллий Цицерон.

Что было потом? Уже седьмого августа Веррес на суд не явился, сославшись на непонятную болезнь. Гортензий отказался защищать своего подзащитного. Допрос свидетелей и чтение документов закончились на девятый день суда. Под тяжестью улик, фактов и доказательств второй сессии суда не потребовалось.

Результат: Суд признал виновным Гая Верреса по всем статьям предъявленных обвинений и приказал взыскать с него в пользу сицилийцев сорок миллионов сестерциев. Но, согласно римскому законодательству, обвиненный такого уровня и являющийся гражданином Рима мог воспользоваться добровольным изгнанием, что и сделал Веррес, отправившись в город Массалию в Галлии (нынешний Марсель), прихватив с собой оставшуюся часть своего состояния. Спустя двадцать семь лет после дела Верреса триумвир Марк Антоний внес Гая Верреса в проскрипционные списки и тот был казнен. Это была месть за поруганную в свое время честь отца Антония. *Всем воздается по заслугам. Все возвращается...*

Р.С. Речи, предназначавшиеся Цицероном для второго слушания дела и впоследствии обработанные им, в дальнейшем выпустил в свет его друг и вольноотпущенник Марк Туллий Тирон. Речи написаны так, словно дело слушается в суде в присутствии обвиняемого. Они по праву стали настоящим сокровищем и достоянием как для риторского, так и для судебного искусства.

Примечания

^{1,2,3,4} Из речи Цицерона о деле Верреса. Первая сессия в суде.

Глава IX. Почему женщины – самые опасные и соблазнительные существа на земле?

Глазами звёзд ночного неба хочу смотреть на наготу божества природы и восхищаться этой неиссякаемой красотой мироздания!
Платон о женщинах

Не знаю как Вам, дорогой читатель, лично мне после всех этих невероятно тяжелых, сложных и ужасных событий, связанных с делом Верреса, захотелось затронуть и другую сторону жизни Цицерона. Ту сторону жизни, которую публичные люди, как правило, тщательно прячут от посторонних глаз...

Сразу после выигранного дела Верреса начались помпейские торжества, посвященные многочисленным победам Помпея «Великого» над врагами Римского государства. Накрывались столы на форуме, Марсовом поле со всевозможными яствами и напитками для простого римского люда. Вина текли рекой. Устраивались грандиозные гладиаторские представления, конные ристания и сценические представления. Весь Рим веселился и гулял, словно огромный и растревоженный пчелиный улей. И, конечно, сильные мира сего и знатные патриции, в свою очередь, устраивали закрытые вечеринки у себя дома в роскошных дворцах из нумидийского мрамора. На одну из таких вечеринок и была приглашена супружеская чета Цицеронов.

Вечером, когда Теренция и Цицерон играли в какую-то детскую игру со своей дочуркой, в атриум зашел Тирон с письмом от Публия Корнелия Лентула Спинтера.

– Что там, дорогой? – спросила мужа Теренция, отвлекшись от игры с дочкой и немного поморщившись от боли.

– Письмо от одного известного молодого патриция, подающего большие надежды, – ответил, подняв голову, муж, но, заметив гримасу боли на лице жены, тут же отложил письмо в сторону и спешно подошел к жене.

– Опять болит?

– Ничего, милый, все как обычно, пройдет, – ответила Теренция, страдавшая болями в суставах. – Я уже намазала пчелиную мазь, купленной Тираном на рынке.

– Я восхищаюсь твоей стойкостью, любимая. Я бы, наверное, уже лежал пластом, – обняв жену, проговорил Цицерон.

– Вы, мужчины, совсем не умеете болеть, – проговорила в ответ, улыбнувшись, жена. – Что там в письме? Читай.

– Сейчас, – и Цицерон, вернувшись в свое кресло, начал вслух читать строчки из письма.

«Публий Корнелий Лентул Спинтер, сын Публия, шлет привет Марку Туллию Цицерону.

Если ты здравствуешь, хорошо. Прошу удостоить меня чести завтра видеть тебя с супругой на скромном семейном ужине. Мы восхищены твоим блестяще выигранным делом Верреса. Будет много интересных гостей: Гней Помпей «Великий», молодой Гай Юлий Цезарь, Марк Лициний Красс. Приходите с Теренцией, будем ждать».

– Пойдем, дорогой?

– Не знаю... Я так не люблю все эти званые ужины, которые рано или поздно превращаются в разнузданные оргии...

Теренция подошла к супругу в своей полупрозрачной домашней тунике, сквозь которую явственно проглядывало молодое, красивое женское тело. Она села к мужу на колени и обвила его шею руками. Увидев это, маленькая дочурка Тулиола, приревновав маму к папе, бросив свои игрушки, также устремила на колени к отцу. В результате Цицерон оказался в нежных объятиях мамы с дочкой.

– Ты знаешь, что этот ужин позволит тебе завязать полезные знакомства для продолжения политической карьеры. Тебе нужно искать сильного покровителя, примкнуть к какой-нибудь партии. Например, Гней Помпей – подходящая кандидатура. Он все больше и больше после своих многочисленных побед набирает политический вес. К тому же его взгляды во многом схожи с твоими в управлении Римской республикой. Мы просто уйдем с ужина, если почувствуем, что дальше оставаться неприлично, – сказала жена, поцеловав нежно мужа в губы.

– Возможно, ты и права. А что думаешь о Крассе?

– Он, конечно, интересная фигура и очень богат. С его мнением считаются, но у него слишком много противников в лице влиятельных людей Рима, таких как Квинт Лутаций Катул, Марк Порций Катон Младший, Квинт Цецилий Метелл Целер, Луций Домиций Агенобарб. Ему очень сильно завидуют. Не лучшая партия и выбор, – покачала головой дальновидная Теренция.

– А что насчет молодого Цезаря?

– Цезарь? Он еще слишком молод и неопытен в политической борьбе. Конечно, в дальнейшем у него, возможно, большое политическое будущее, если только наши нобили в лице знатных патрициев не убьют его, – пророчески произнесла Теренция.

– Я уверена, в дальнейшем Цезарь будет претендовать на диктатуру в своем лице. Он же из рода Юлиев, самого древнего рода со дня основания Рима. Думаю, Рим, если Цезарь разовьет свой успех в качестве полководца, перестанет быть Республикой и станет Империей. А это противоречит ведь твоим взглядам на государственное устройство, милый, верно?

Тулиола, не понимая, о чем говорят взрослые, заскучав, соскочила с колен родителей и вернулась к своим куклам.

– Да, я считаю, что в Риме должна быть Республика, только так мы сохраним традиции наших предков, – ответил Цицерон.

– К тому же, дорогой, говорят, что этот Цезарь очень развратен и распущен. Злые языки сплетничают о том, что он переспал не только со всеми мало-мальски привлекательными особами Рима, но даже и с женами Помпея и Красса.

– Женушка, не верь всем слухам. Хотя, как говорят, дыма без огня не бывает.... Да... Ты, наверное, как всегда права, и нам надо пойти на этот ужин, чтобы завязать полезные знакомства. Значит, Помпей? Положусь на твое мнение. А что еще подсказывает тебе твоя интуиция? – игриво спросил жену Цицерон.

Жена, улыбнувшись, позвонила в колокольчик, вызывая няню.

– Тулиола, сейчас тебя няня отведет в свою комнату, уже поздно и пора спать. Иди к нам, мы тебя поцелуем с папой перед сном, – добавила мать.

– Папа, я не хочу еще спать, – обиженно надув губки, произнесла Тулиола.

– Иди, иди ко мне. Я знаю, что ты еще хочешь поиграть. Обещаю, если ты сейчас пойдешь спать, завтра тебя будет ждать сюрприз.

– Какой? Какой?! – и дочка, смешно наклонив голову, начала заглядывать в глаза отцу.

– Завтра, завтра все узнаешь. Иди спать, – и отец с матерью, нежно поцеловав дочку, передали ее на руки няне.

После того, как рабыня увела Тулиола в детскую спальню, Теренция, перекинув вторую ногу через колени Цицерона и полностью обнажив свое стройное белоснежное белое бедро, села на мужа в позе наездницы. Проказница томно наклонилась к мужу, отчего ее красивая грудь чуть-чуть выглянула наружу, и нежно прошептала:

– Моя интуиция подсказывает, что сейчас я буду тобой обладать.

Ощущая близость роскошного тела молодой жены и ее игривые покачивания на своих бедрах, Цицерон почувствовал, как крепнет его встречное желание.

– Это я тобой сейчас буду обладать, – прошептал в ответ разгоряченный страстью молодой муж.

На это Теренция ничего не ответила, но, властно улыбаясь, резко отодвинула в сторону тунику мужа и чуть приподнялась, благодаря чему «римский легион вошел в Цизальпинскую Галлию». Цицерон, крепко прижав жену за бедра к себе, начал страстно целовать ее грудь, а та, в свою очередь, закрыв от блаженства глаза, начала ритмично двигаться, приводя этими чувственными движениями в огромное возбуждение обоих. Крепкое кресло из красного дерева начало предательски трещать от тяжести разгоряченных тел. Стоны, вздохи, запах любви – все смешалось в этой комнате. Движения любовников то становились медленнее и как будто почти замирали, то резко убыстрялись, как квадрига на конских ристаниях, стремящаяся к финишу, пока, наконец, оба не взлетели на пик наслаждения...

...Теренция, откинувшись немного назад, еще несколько секунд продолжала сидеть на бедрах мужа, а затем медленно сползла на пол.

– Спасибо, любимый, – слабым обессиленным голосом произнесла та.

– Тебе спасибо, – ответил Цицерон, также опустившись на ковер к жене.

– Мы ведь никогда ни делали этого на этом кресле? – улынувшись, спросила мужа Теренция.

– Не-а, – ответил тот.

Затем наклонился к жене и, нежно поцеловав в губы, начал массировать ее ступни, отчего она всегда приходила в чувственный экстаз.

– Спасибо, спасибо, любимый. Как хорошо, что ты у меня есть, – произнесла Теренция со слезами на глазах, поцеловав руку мужа.

– Родная, я так рад, что наши отношения являются маленьким островком счастья, любви и семейного благополучия в этом развратном Риме. Я люблю тебя...

– А я тебя обожаю...

...На другой день, когда Юпитер уже давно покинул небосвод и поставил коней в конюшню, чета Цицеронов вышла из паланкина у белоснежного дворца, прибыв на званый ужин.

Раб-привратник, прикованный к дверям, открыл им дверь, затем другой поднес им тазик и вымыл ноги, после чего дворецкий провел в атриум. Цицероны немного опоздали, поэтому все гости уже возлежали на ложах, успев откусать несколько чаш вина. Навстречу Цицеронам вышел хозяин Корнелий Лентул Спинтер. Это был мужчина средних лет с добродушным взглядом и располагающей улыбкой.

– Теренция, вы великолепны! – произнес галантно хозяин дома и поцеловал, согласно обычаю, в обе щеки жену Цицерона. – Марк, мы уже заждались тебя.

Спинтер также поцеловал и Цицерона и вдруг после обязательного ритуала неожиданно приобнял гостя.

– Ваше ложе рядом с Гнеем Помпеем «Великим». Надеюсь, вы не против? – спросил хозяин.

«Хороший знак», – подумал про себя Цицерон и с поклоном ответил:

– Нет, что вы, уважаемый Лентул. Это честь для нас.

И чета Цицеронов прошла к своим ложах. Атриум площадью не менее ста квадратов по периметру был богато украшен статуями Зевса, Геры, Минервы, Юпитера. Пол был выложен причудливой мозаикой, изображающей греческий эпос. По всей площади помещения стояло огромное количество светильников, свечей, которые практически делали атриум светлым как днем. На «скромном» ужине присутствовало не менее двадцати пар. Это были самые знатные и состоятельные граждане Рима. Пока им подносили блюда и наливали фалернское в чаши, Цицерон начал изучать собравшихся. Женщины с причудливыми прическами и макияжем на лицах утопали в изысканных дорогих золотых украшениях и шикарных нарядах. Мужчины,

одетые по последней моде в белоснежные тоги, немногим уступали в роскоши своим подругам. Почти на каждом пальце сильных мира сего были нанизаны дорогие золотые перстни. На шеях у некоторых висели золотые диадемы почти как у дам. Да... *Роскошь и золото всегда любили в Риме, к тому же золото было символом определенного статуса в то время. Носить золотые украшения могли только определенные высшие сословия: патриции, всадники, сенаторы и, конечно, их жены.* А вот даже богатым дельцам, ростовщикам, оценщикам и прочим разрешалось носить только железные украшения. Вот так золото во время описываемых мной событий подчеркивало статус обладателя.

Взгляд Цицерона остановился на Крассе. На вид тому было лет сорок пять – сорок шесть, появилась уже небольшая седина. Одет он был богаче всех присутствующих вместе взятых. Складывалось впечатление, что даже тога, одетая на него, из чистого золота. Его по праву считали самым богатым человеком в Риме. Первоначально разбогатевший на Суланских проскрипциях, а затем на махинациях с недвижимостью Красс также активно торговал высококвалифицированными рабами, вкладывал деньги в шахты и участвовал в системе откупа налогов в провинциях. Все эти его предпринимательские действия и позволили ему в довольно короткий срок стать богачом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.